

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТОРГОВКА СЧАСТЬЕМ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Торговка счастьем

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Торговка счастьем / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2016 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-85526-1

Капитану полиции Алексееву было сложно представить себе невероятно прекрасную Настю в роли заказчицы страшных преступлений. Ведь если начать ее подозревать в убийстве собственного мужа!.. Она наняла киллера и... унаследовала бизнес. А когда алчные родственники и конкуренты обложили ее кольцом наблюдателей, она их устранила. Не сама, конечно. Снова работал тот же киллер. Потом, забрав из депозитной ячейки что-то, предположительно деньги, она сбегает. Логичная, стройная версия. Но тогда получается, что она матерая и хладнокровная преступница? Так Анастасия Дворова, овдовевшая в неполных двадцать семь лет и сделавшаяся наследницей громадной финансовой империи, из пострадавших перекочевала в разряд подозреваемых... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85526-1

© Романова Г. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Торговка счастьем

© Романова Г. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

То ли он потерял хватку, то ли постарел, а может, просто утратил интерес к делу, которым занимался всю сознательную жизнь, или устал быть холодным и беспристрастным, но объект ему вдруг начал нравиться. Он понимал, что так нельзя. Что это непрофессионально. Что если об этом узнают его клиенты, он сразу потеряет заказ, а следом и репутацию. Но ничего не мог с собой поделать. Эта девочка ему нравилась. Очень!

Он наблюдал за ней по шестнадцать часов в день. Остальное время она закрывалась от него плотными шторами. Она ложилась спать в своей спальне – угловая комната в двадцать пять квадратных метров на втором этаже. План дома у него имелся. И в доме самом он побывал. Все осмотрел и запомнил. Даже запах ее духов и пудры для тела.

Просьпалась она рано. Всегда в одно и то же время – около восьми. Сначала ползли в разные стороны плотные шторы на широком окне. Потом застилалась громадная кровать, в которой она была вынуждена спать одна. Затем она шла бродить по дому. Зачем? Он пока не понял.

Она медленно шла по комнатам – заспанная, непричесанная, с недовольным угрюмым выражением лица, которое он находил очень привлекательным. На ходу трогала мебель, зевала, что-то рассматривала на улице через окна комнат, сквозь которые проходила. Потом шла в кухню.

Кухня ему не очень нравилась. Сначала она не понравилась ему на плане. После, когда уже был в доме, она не понравилась ему особенно. Первый этаж, стен почти нет. В том смысле, что негде было укрыться, случись перестрелка. Одни окна! В крохотных простенках едва разместился кухонный гарнитур с варочной панелью. В центре огромный стол. Неуютный и неудобный, на его взгляд. Вокруг стола дюжина стульев. На какой ни сядь, ты отличная мишень. Потому что сидишь спиной либо к окну, либо к двери. Нет, кухня – дерьмо. Кухня – не укрытие.

А вот она почему-то любила тут бывать. Часами там сидела! То с чашкой кофе замрет у окна. То за стол сядет и будто окаменеет. Не понимала, что она как на ладони? Не догадывалась, что за ней могут следить? Что ее могут снять одним выстрелом даже непрофессионалы?

Или...

Или догадывалась, а может, и знала, и нарочно мозолила глаза возможным наблюдателям? И словно дразнила их: вот она я, смотрите, смотрите, пока глаза не лопнут. Все равно ничего не увидите и не поймете. Все равно не разгадаете меня!

Эта мысль его возбуждала. Ему очень хотелось думать, что эта хрупкая девчонка неглупая курица, оставшаяся в одиночестве сидеть в гнезде на золотых яйцах, а такая вот – умная, расчетливая и даже очень коварная. И она обведет вокруг пальца всех, всех, всех, включая его! Она обманет и полицию, и партнеров своего покойного мужа, и родного брата своего покойного мужа. Всех поймает это милое, славное создание. И никто никогда не догадается, что она стоит за зверским убийством своего мужа. Никто никогда!

Но...

Но это так ему хотелось думать о ней. Пока его мечтательные мысли не находили никакого подтверждения. Пока она выглядела именно курицей. В такую и стрелять-то было западло. Такую можно было убить голыми руками. Просто сдвинуть ее хрупкую нежную шейку и...

Точно! Так он и сделает. Если поступит приказ устранить объект, он убьет ее именно так. Он не станет в нее стрелять.

На улице заметно стемнело. Надо было надевать прибор ночного видения, чтобы видеть все, что происходило в ее дворе и в неосвещенных комнатах дома, где никогда не зашторивались окна. Он потянулся с хрустом, сидеть без движения на одном месте в его возрасте стало

тяжеловато. Потом вытянул левую руку, не глядя, нашарил прибор на низком столике, который был придвинут почти вплотную к высокому стулу, с которого он вел наблюдение. Нацепил прибор, заученно протерев стекла мягкой фланелевой тряпочкой, снова потянулся, зевнул и... тут же едва не вывихнул челюсть.

– Что за черт! Что за падла? – выпалил он громким шепотом и осторожно подвигал нижнюю челюсть пальцами. – Что за...

Кто-то, кроме него! Кто-то еще наблюдал за девчонкой! Кто-то ходил под окнами первого этажа. И не просто ходил, а крался! И в намерения этой сволочи не входило просто подсмотреть за красивой телкой, нет! Он подсматривал за ней со значением. Он прятался в тени деревьев, подсматривал и...

И черт знает, что этот наблюдатель сотворит в следующее мгновение! Он может сейчас вытащить из-за ремня своих штанов ствол и разрядить всю обойму в ее милую прелестную головку, которая склонилась в этот момент над книгой все в той же отвратительной кухне все за тем же отвратительным столом.

А ему-то что в настоящий момент делать, что? Звонить заказчикам и докладывать о стороннем наблюдателе? Какой он тогда, к чертям, профессионал, если станет звонить по каждому пустяку? Он просто слышал недовольство в глухом хриплом голосе, когда тот ему ответит:

– Я что, должен думать за тебя? Платить тебе и за тебя же и думать? Это твой объект, ты за него отвечаешь...

Он, конечно, мог бы возразить заказчику. И сказать, что его дело – наблюдать! Наблюдать, изучать привычки, составлять жизненное расписание объекта, чтобы, когда наступит момент, устранить без промаха и без единого следа. И что где-то за ее забором сейчас должна находиться тачка с людьми уже другого заказчика, которые водят девчонку по городу. И тачка эта там должна находиться круглосуточно. И...

А кстати! Чего это парни расслабились? Чего пропустили за калитку какого-то чела и даже не сделали попытки его остановить? Пропустили? Пропали? Напились? Или это один из них решил полюбоваться на красивую полуголую девчонку?

Вот уроды, а! Их дело наблюдать за ней в городе! В магазинах, кафе, ресторанах, клубах! Последние, правда, она сейчас не посещала, носила траур по супругу, которого схоронила всего полтора месяца назад. Но все равно! Их дело вести ее по городу. В городе ему делать нечего. Он не должен светить свой интерес. О нем вообще никому ничего не известно. Тут он хозяин! Он смотрит на нее в ее доме! Он! Он рассматривает ее голые ноги, когда она в коротких шортах. Он любит ее грудь, бедрами, когда на ней только нижнее белье и ничего больше.

Какого же хрена?!

Он вдруг так разозлился, что чуть не сорвался с места и не побежал в сад, где за стволом каштана стоял неизвестный. Вот честно, готов был нарушить все правила своего контракта и снять наблюдателя.

Остановило нежелание избавляться от трупа. Во-первых, он никогда этим не занимался и понятия не имел, где можно спрятать тело в городе. Во-вторых, ему за это не платили. А он ничего не делал сверх контракта. Никогда! Ну, и потом это могли быть люди другого заказчика, которым надоело сидеть в машине, и они вышли отлить, а заодно и поторчать под окнами. Понаблюдать за полуголой девицей, тем и развлечься.

Он о них знал. Они о нем – нет.

Наблюдатель исчез как-то незаметно. Вот только что копошился за стволом каштана. Он точно видел его локоть и колено, ощущал его движение. И вдруг его нет! И тень от ствола каштана стала ровной и прямой, как прежде. Куда он подевался? Не сквозь землю же провалился! И не в дом пошел. Девчонка как сидела с книгой у стола, так и продолжала сидеть. А мужик исчез! Странно!..

Все же он постарел. И утратил эту чертову хватку, которая помогала ему выживать все эти годы. И слух стал не таким острым. Или тот, чье присутствие он ощутил за своей спиной за мгновение до того, как умереть, был все же лучше?..

Глава 2

Настя захлопнула книгу на той же самой странице, на которой развернула полтора часа назад. Она не прочла ни строчки.

Интересно, подумала она, а тот, кто за ней наблюдает, понял, что она не читает? Заметил, что она не листает книгу, а просто смотрит в нее, не видя ни единой буквы?

Она протяжно вздохнула, вытянула ноги под столом, покосилась на окна. Их в кухне было великое множество. Не кухня, а аквариум! Прежде ей это нравилось. Прежде, когда они тут жили с мужем, ей нравилось, что эта комната наполнена солнцем. Оно жило тут от рассвета до заката! Его лучи медленно скользили из окна в окно слева направо, теряясь ближе к вечеру в самом последнем, которое выходило на соседний дом, откуда за ней велось наблюдение.

Она вычислила этого чудака почти сразу, как он там появился. По едва заметным признакам, на которые кто-нибудь другой никакого внимания не обратил бы. Она обратила. Она вычислила его. И не старалась прятаться. Нарочно не задегивала шторы и ходила по дому у него на виду. Начни она прятаться, рассудила она, он полезет в дом. Зачем? Пусть смотрит из окон дома напротив. Пусть составляет для себя распорядок ее дня. Чтобы потом...

Чтобы потом, когда ему отдадут приказ, нажать на спуск, направив ствол ей в голову в самое удобное для них время. Она знала, что так будет. Знала, что ей не спрятаться от них. Они везде ее найдут. Везде! Поэтому и не пряталась. Не было смысла. Как не было смысла замечать следы и пытаться скрыться, выезжая на машине за ворота. Припаркованная метрах в пяти от ее ворот машина наблюдателей будет следовать за ней по пятам. Затем, где-то в центре, ее передадут другим наблюдателям, и уже те поведут ее. Потом еще одна смена караула и...

И когда она возвращалась, те, кто провожал ее от дома, уже были на месте. Однажды они настолько обнаглели, что даже помахали ей рукой сквозь ветровое стекло. Или ей показалось? Может, это было непроизвольной жестикуляцией? Стоило ли обращать внимание? Стоило ли обнажать свою наблюдательность?

Она кто? Правильно! Она глупая курица, унаследовавшая целую империю после смерти мужа! Глупая курица, от которой можно будет избавиться в нужный момент! Надо только этого самого момента дожидаться. Она должна вступить в права наследования, а это – полгода после смерти мужа. А потом ее надо устранить.

Чтобы что? Правильно! Чтобы унаследовать уже после нее эту самую империю. А поскольку наследников у нее не было и назначить себе наследников она никак не могла, – ей просто этого не позволят, – то унаследовать империю должен был брат ее покойного мужа – Дмитрий Дмитриевич Дворов.

Три «Д», как называл его ее зверски убитый муж – Лев Дмитриевич Дворов. Называл с издевкой, вкладывая свой собственный смысл, который однажды открыл ей по секрету.

– Дурак, дерьмо, дебил! – выпалил он ей на ухо, когда они сидели в ресторане вместе с Димой, ужинали. – Вот кто такой мой братец, Стаська! Три «Д»! Дурак! Дерьмо! Дебил!..

Вроде и шептал негромко. И в ресторане было шумно. И Дима сидел не рядом. Но, кажется, он все услышал. Потому что тут же скомкал салфетку, швырнул ее Льву в лицо и сказал, что никогда ему этого не простит. Никогда!

Или он насчет чего-то еще ему так сказал? Они ведь перед этим о чем-то долго спорили, она не вслушивалась. И по телефону с домработницей говорила как раз в тот момент, когда они спорили. Вот поэтому так и не поняла, чего конкретно не простит Льву Дима: предмета их спора или того, что Лев так оскорбительно называл своего брата за его спиной?

Но ведь это ничего не меняло, правда? Льва теперь нет. Его зверски, до смерти мучили. Он умирал долго и страшно. И от этого было особенно тяжело. Лучше бы он умер быстро,

сразу! Нет, нет, нет, лучше бы он вообще не умирал! Но раз уж так случилось, то лучше бы быстро, сразу.

Но еще тяжелее ей было жить с мыслью, что за смертью ее Льва стоит его родной брат. Это лживое мерзкое существо, первым примчавшееся к ней, чтобы сообщить ей об утрате. Это чудовище, разрывавшееся у ее ног так искренне, так горько, что она ненадолго, пусть на какой-то час, но поверила в его горе. Этот дьявол, который не отходил от нее ни на шаг первые, самые страшные часы...

Потом стало еще хуже.

Недели через две после похорон адвокаты Льва почти открытым текстом заявили ей о том, что ее ждет в недалеком будущем. И настоятельно рекомендовали ей вести себя осмотрительно, быть умной и покладистой, поддерживать родственные отношения с этим чудовищем, чтобы не вызывать подозрений у представителей органов правопорядка.

Ей так велели адвокаты. Один не выдержал и сказал:

– Проживите нормально хотя бы эти полгода, отведенные вам контрактными условиями!..

По их рекомендациям, ей следовало принимать его в своем доме, ездить в гости к нему, улыбаться, делать вид, что верит словам сочувствия, делать вид, что она – глупая курица – ни о чем таком не догадывается.

И знать при этом, что это тройное, пардон, дерьмо, обложило ее со всех сторон наблюдателями.

Ей иногда казалось, что весь город наблюдает за ней! Куда она идет. С кем общается. Кому звонит. И кто звонит ей.

– Господи-ии... – выдохнула Настя, уставившись на книжную обложку пустыми, холодными глазами. – Скорее бы уже...

Ее убьют. Она знала, что ее убьют, как только она вступит в права наследования и напишет завещание в пользу Димы. А она обязана его написать. Это тоже сказали адвокаты.

– Семейное дело не должно переходить к третьим лицам. Вдруг вы выйдете замуж? Да и Дмитрий Дмитриевич слишком много вложил в империю, чтобы потом работать на кого-то еще!

– Но я могу оформить в его пользу дарственную, – слабо возражала Настя, в голове у нее тогда все кружилось.

– Не можете, – поджимались узкими линиями адвокатские рты. – Лев Дмитриевич составил ваш брачный контракт таким образом, что унаследованный вами бизнес в случае его внезапной кончины не может быть продан, подарен, поделен и так далее. Вы хоть читали брачный контракт, Анастасия Сергеевна, когда выходили замуж?

– Нет, – качала она головой и плакала.

Какой контракт?! Какие, к черту, условия?! Она любила Льва всем сердцем! Она верила ему! Она не собиралась с ним разводиться. Не собиралась ему изменять. Не собиралась потерять его через два года после свадьбы!

Она беззаботно смеялась, помнится, подписав все страницы в трех экземплярах, которые услужливо ей подсовывали адвокаты Льва. За каждым ее плечом стояло по одному, зорко наблюдая за соблюдением процедуры.

Подписала и забыла. И просто беззаботно была счастлива все эти два года. Семьсот тридцать дней безоблачного счастья.

– Господи-ии... – снова прошептала Настя.

На книжную обложку неожиданно упала слеза, потом вторая, третья. Книжный глянец поплыл перед глазами, название книги крупно вздулось.

Интересно, подумала она, а наблюдатель, засевший в соседнем доме с биноклем и прибором ночного видения, видит ее слезы? Догадывается о причине ее слез? Или равнодушно рассматривает ее шею, примеривая на ней свои пальцы?

Она вздрогнула – то ли от мыслей о неминуемой смерти, то ли от странного звука с улицы. Быстро вытерла глаза ладонью, потом прошлась кухонным полотенцем по книжной обложке.

Нельзя показывать свою слабость. Нельзя обнажать свой страх. Если ей и суждено умереть, она умрет достойно. Да!

Мобильник, который она всегда оставляла на подоконнике, все больше для наблюдателя, чтобы он в бинокль смог рассмотреть, кто ей звонит, неожиданно завозился и тренькнул. Пришло сообщение. Интересно, от кого? Ей чаще звонили. Писал обычно Лев, когда долго отсутствовал дома, или когда задерживался, или когда скучал. Мог написать такое! Ей становилось немного стыдно от прочитанного.

– А вдруг кто-то еще прочтет, Лёва! Так нельзя! – возмущалась она, но скорее несерьезно, когда он возвращался.

– Пусть завидуют! – шептал он ей, прижимая к себе. – Пусть завидуют моему счастью!

– Нельзя, тс-сс...

– Чего нельзя?

– Нельзя, чтобы наше счастье стало предметом зависти. Нельзя! – пугалась она суеверно. – Его так можно сглазить!

– Предрассудки, Стаська! Все это предрассудки!..

И все же сглазил. Сглазил их счастье. Не уберег. Не уберег себя. Не уберег ее. Погиб сам. И ее скоро убьют.

Непрочитанное сообщение напомнило о себе, повторно тренькнуло. И Настя нехотя полезла из-за стола.

Писал Дима. Зачем? Мог бы и позвонить. Может, все же стыдно слышать ее голос? Может, все же корчится в муках совести, когда слышит ее голос?

Лаконичное «как дела» ее взбесило так, что она не сдержалась и принялась тут же набирать ответ.

«Мне мерзко, гадко, страшно! Мне одиноко так, что выть хочется! Я потеряла любимого человека! Я нахожусь под наблюдением! Под твоим наблюдением, сволочь!»

Она вовремя остановилась, хотя очень хотела добавить, что всем сердцем ненавидит его. Что точно знает, что это он убил Льва. Убил из-за чертовых денег! Из-за зависти!

Вовремя остановилась. Все удалила. И ответила ему еще более лаконично: «Нормально». Осторожно положила мобильник обратно на подоконник, будто он был в стеклянном, а не в золотом корпусе. Вытерла руки о футболку, словно испачкалась. Она теперь все время чувствовала себя грязной после общения с Дмитрием. Запачканной, подлой предательницей.

Как гадко! Как гадко, что ей приходится платить такую цену. Отмаливать по умолчанию своим хорошим поведением каждый новый день под солнцем. Не у Бога! У Дмитрия!

– Сволочь! – едва слышно произнесла она.

Сунула книжку под мышку, выключила свет в кухне и пошла наверх, в спальню. Единственная комната, где она была без любопытных глаз наблюдателя, засевшего в доме напротив. Зашторивала окно, снимала с себя одежду, шла в душ. Надевала пижаму, залезала под одеяло и большую часть ночи ворочалась без сна. Либо напряженно думала, либо вспоминала, либо плакала. Под утро забывалась тревожным сном, по будильнику в восемь вставала. Зачем? Привыкла! Лев поднимался ровно в восемь. Она всегда поднималась с ним, готовила ему завтрак. Потому что он не терпел прислуги в доме, когда в нем присутствовал он.

– Все должно делаться в мое отсутствие, – раздавал он четкие указания, принимая на работу горничную, кухарку или садовника. – Я должен видеть результаты вашего труда, а не вас. А тарелку с супом мне и жена подаст.

Настя подавала и суп, и жаркое, и сама вызвалась готовить ему горячий завтрак. Лев сначала сомневался в ее кулинарных способностях. Но потом сказал:

– Да! Да, Стаська! Это было бесподобно вкусно!..

Он почти каждое ее действие сопровождал похвалой. Поругал, и то не слишком сильно, лишь однажды. Это когда она с Димой вернулась с конной прогулки чрезвычайно довольной.

– Ты не можешь и не должна поддерживать с ним приятельские отношения, дорогая!

Лев сильно кричал, и левое веко у него дергалось. Пару раз он даже брызнул слюной в ее сторону. И это ее рассмешило.

– Ты ревнуешь? – Настя повисла у мужа на шее. – Ты что, и правда ревнуешь меня к своему брату, милый?

– При чем тут ревность! – воскликнул он и прижал ее к себе. Повторил чуть тише: – При чем тут ревность? Было бы к кому ревновать!

– Ну, не скажи... – она игриво рассмеялась. – Он очень даже интересный мужчина – этот твой братец. Молодой, красивый, высокий. Женщины висят на нем гроздьями!

– Вот-вот. – Лев тяжело вздохнул. – Гроздьями! А одной-единственной, как у меня, у него нету! И знаешь почему?

Ей было неинтересно, если честно. Она стояла, тесно обнявшись с мужем. И с удовольствием теперь вместо разговоров о его брате отправилась бы с ним в душ. Тем более что после конной прогулки она его так и не успела принять, и от нее пахло пылью и потом. И слова мужа о том, что Димка – всего лишь злобный неудачник, всю жизнь пытающийся насолить более сильному, более удачливому брату, она как-то пропустила мимо ушей. И забыла о них через минуту, потому что Лев поднял ее на руки и потащил в душ со словами, что должен сам смыть с нее всю пыль.

Тогда забыла, теперь вспоминала ежедневно.

Если бы они были чуть осторожнее! Если бы были чуть бдительнее! Если бы не выставляли напоказ свое счастье! Все, все сейчас было бы по-другому. Она бы не плакала каждую ночь в постели. Не ждала с ужасом каждый следующий день. Не содрогалась от отвращения, когда ей приходилось подставлять щеку для поцелуя Дмитрию.

Лучше бы они были нищими, подумала она перед тем, как уснуть. Жили бы в стареньком домике на опушке, ничего бы не имели, не раздражали никого своей удачливостью и умением зарабатывать деньги. Просто любили бы друг друга каждый день и никого никогда не ждали бы в гости.

Почему она об этом подумала? Что это вдруг ей пришло в голову именно это? Не помнит! Ничего не помнит! Все вытеснили горе и страх. Большую часть воспоминаний, а кажется... кажется, это что-то важное. Что-то ускользающее из воспоминаний, но очень, очень важное!..

Этим утром она проснулась в половине восьмого. Разбудил ее странный шум. И шел он откуда-то снизу, с первого этажа. Настя приподняла голову от подушки, сильно шурясь, приоткрыла глаза. На будильнике половина восьмого. Какого черта?! Кто орет? Горничная? С какой стати? Забыла правила?

Настя снова уронила голову на подушку, глубоко подышала, чтобы унять сильное сердцебиение, вызванное шумом. Сердце унялось не сразу, переполошившись. Слишком свежи в нем были воспоминания о том страшном дне, когда ей сообщили о гибели Льва. Тогда так же верещала горничная, потом грохот шагов по лестнице, затем растрепанный, заплаканный Дима у ее ног.

Сейчас по лестнице никто не поднимался. Горничная верещала внизу в кухне, что было странно. В половине восьмого она должна была уже уйти. Тихо, безмолвно, успев справиться с делами по дому. Начинала в пять, к половине восьмого заканчивала и уходила. Потом возвращалась к трем и работала до шести. После шести мог вернуться Лев. Ее в доме он застать был не должен. Таковы были правила.

Сейчас все шло не так. Настю хоть и слушались, но без должной охоты и боязни. Теперешние непозволительно громкие возгласы Ирины Глебовны были тому подтверждением.

Настя свесила ноги с кровати. Помотала головой, разгоняя сон. Сбегала на пять минут в душ. И на всякий случай надела трикотажное платье темно-серого цвета, которое Лев называл мышинным нарядом. Волосы зачесала наверх и с помощью резинки сделала на макушке «колечко». Глянула на себя в зеркало. Угрюмая, невыспавшаяся, с потухшими глазами серого цвета. Как раз под «мышинное» платье, хмыкнула она. Чуть пощипала себя за щеки, чтобы не быть такой мертвецки бледной. Вдела ноги в домашние туфли без каблуков и пошла на шум.

– Я сказала, что не пушу вас к ней! Она скоро поднимется и выйдет к вам! Оставьте бедную девочку в покое! Ей и так досталось!

Ирина Глебовна намертво перекрыла вход на лестницу, ухватившись одной рукой за перила, второй упершись в стену, аккуратно под портретом Льва, где он был запечатлен в рабочем кабинете. Тот, кого она не пускала, не делал попытки прорвать оборону. Он просто стоял, пожевывая зубочистку, и с недоумением рассматривал пожилую разгневанную женщину. Потом он увидел Настю, выронил зубочистку себе под ноги, не потрудившись поднять. Сунул руки в карманы широких штанов. Полы короткой куртки при этом разошлись, обнажая темный свитер и кобуру на поясе. Но это гостя ничуть не смутило. Он как стоял, с наглой ухмылкой рассматривая спускавшуюся по лестнице хозяйку, так и продолжил стоять. Зубочистка у его ног на полу. Кобура на виду. Морда небритая.

Либо мент, либо бандит, вяло подумала Настя. Добралась до Ирины Глебовны. Мягко тронула ее за плечо.

– Все в порядке, – улыбнулась она ей, когда женщина, вздрогнув, испуганно на нее обернулась. – Вы можете идти, ваше время уже...

– Никто никуда идти не может! – фыркнул наглый гость, не двигаясь. – Все пойдут, когда я скажу. И туда пойдут, куда я скажу.

– Ух, ты!

Настя сошла с последней ступеньки. Прошла мимо него. Не меняя походки, направилась в кухню, где – она точно знала – уже был готов кофе. Оставалось лишь нажать кнопку, чтобы получить его в чашку.

Гость последовал за ней. Шагов почти не было слышно. Слышно было рассерженное дыхание. Гость гневался.

Она встала к нему спиной возле кофейной машины. Нажала кнопку. Ароматная кофейная струйка полилась в чашку, приготовленную Ириной Глебовной заранее. Пятьдесят граммов, или чуть меньше. Ровно на крохотную чашечку. Машина фыркнула, выпустила пар. Настя снова нажала кнопку, выключая. Подхватила чашку и пошла с ней к столу. Сердитый гость все это время стоял, опершись задом о кухонный шкаф.

Выгодная позиция, рассеянно подумалось ей под первый кофейный глоток. Лицом к двери и к окнам. Спина защищена. Не дурак, подумала она под второй глоток.

– Я на кофе, как понимаю, рассчитывать не могу? – едко поинтересовался он, потому что Настя хранила упорное молчание.

Она лишь дернула плечом и едва заметно отрицательно двинула подбородком в ответ на вопросительный взгляд Ирины Глебовны. Бедная женщина переживала, теребя в руках широкий передник форменного платья. Лев, как только вселился в этот дом, придумал униформу для прислуги.

– Ладно... – он скрипнул зубами. И тут же, без переходов, задал вопрос: – Где вы были минувшей ночью, Анастасия Сергеевна?

На «вы» и по имени-отчеству, значит, мент. Ну да, все правильно. Кобура, щетина, темный свитер, мятые портки. Ах да, еще зубочистка! Это неременный атрибут некоторых опера-

тивников. В том, что перед ней опер, сомневаться не приходилось. Небритый, наглый, со стволом. И... очень рано приперся.

Настя вздохнула, поставила на сверкающий стол пустую чашку. Глянула на визитера холодно и строго.

– А вы, собственно кто, мужчина? Насколько я помню, лицо мне постороннее. Почему вы задаете мне вопрос, который может задать мне лишь человек, вступивший со мной в личные отношения.

– Чёй-то? – его небритые щеки вытянулись.

Так и сказал – чёй-то! Представитель, тоже еще, правопорядка! Не понял, что ли? Настя мысленно выругалась. А вслух сказала:

– Представьтесь...

Он спохватился, сквозь щетину проступил румянец. Полез во внутренний карман куртки, вытащил удостоверение, мотнул им и невнятно пробормотал о своих должностных полномочиях, попутно назвав фамилию, имя-отчество и звание.

– Капитан Алексеев, – задумавшись, повторила Настя. – Игорь Николаевич... Что привело вас ко мне в дом?

– Где вы были минувшей ночью, отвечайте!

Капитан грозно свел брови, густые и неухоженные, как сад за соседним забором, откуда за ней велось наблюдение.

– Я была дома. Здесь вот. – Настя ткнула пальчиком в стол. – Долго читала именно здесь. Потом пошла спать. Ах, да! Еще ответила на сообщение моего...

Назвать Дмитрия «своим» вдруг не повернулся язык. И она сказала:

– Брат моего покойного мужа прислал сообщение. Я на него ответила.

– Что он написал?

Капитан нашел взглядом ее мобильник, оставшийся лежать на подоконнике со вчерашнего вечера. Без разрешения влез в него. Прочел сообщение от Дмитрия. Ее ответ. Еще чего-то там посмотрел. Положил мобильник обратно.

– Спасибо, что спросили разрешения, – ядовито заметила Настя.

Тут же нашла взглядом кухонное окно, из которого открывался прекрасный вид на соседний дом. И подумала: интересно, ее наблюдатель видит, что у нее гость? Уже доложил Диме? Как скоро тот явится в окружении своей тупоголовой свиты? Он ведь один последнее время не ходил никуда. Везде в сопровождении двух охранников и шофера. Трех громадных придурков, жутко шаркающих ногами и вечно что-то жующих. Честно, Настя находила странной подобную осторожность. Кто мог посягать на его жизнь? За Льва мстить было некому. Она была бы рада, да связана по рукам и ногам.

– Кто может подтвердить, что вы были дома? – капитан насупленно глянул в ее сторону.

Дамочка его не просто раздражала, она его бесила. Похоронила мужа, погибшего при жутких обстоятельствах чуть больше месяца назад, а хоть снова замуж выдавай. Идеальная фигура, идеальная осанка, идеальная кожа. Понять, что она сильно страдает, было невозможно. Ни тогда, в день похорон, когда она словно окаменела. Ни теперь, когда она смотрит на него пустыми глазами, ничего не выражающими или отлично все скрывающими.

В плане внешних данных она была прекрасна. В плане душевных качеств она была страшна. С такой надменной, холодной красоткой он ни за что не хотел бы оказаться в темной комнате темным вечером.

Хотя внешность ее – спору нет – была безупречной.

– Никто, – ответила она просто и вдруг уставилась на соседний дом. – Хотя...

– Что? – Игорь проследил за ее взглядом и сразу насторожился. – Что?

– Хотя мне кажется, что за мной постоянно кто-то наблюдает из окон соседнего дома. Может, это паранойя. Может, нет. Но кто-то там живет. Наверняка видел, как я передвигаюсь по дому. Спросите его.

У нее язык не повернулся сказать: а еще лучше спросите у Дмитрия Дмитриевича Дворова, который приставил к ней наблюдателей. Уж он-то знает о каждом ее шаге точно! Поминутно! И хотя она себя тешила тем, что скрывается за плотными шторами в собственной спальне от глаз наблюдателей, в глубине души тому не верила. Камер слежения и микрофонов, конечно, не нашла, сколько ни искала, но...

Но не мог ее оставить Дима один на один с самой собой на целых восемь часов! Не мог! И плевать он хотел на ее личное пространство!

– То есть, другими словами, вы знали, что из соседнего дома за вами ведется слежка? – тут же прицепился капитан.

И неожиданно покинул свой уголок у шкафа и сел к ней за стол строго напротив.

– Я этого не говорила. – Настя коротко улыбнулась его тугоумному лбу. – Я сказала, что там кто-то живет и за мной наблюдает.

– А зачем? Зачем за вами наблюдать вашим соседям?

Взгляд его темных глаз тут же пробежался по ее безупречной фигуре, обтянутой серым трикотажем. Капитан судорожно дернул кадыком перед тем, как спросить:

– Вы что, ходите по дому голой?

Ирина Глебовна судорожно всхлипнула: о боже. Настя снова улыбнулась в лоб капитану и соврала:

– Случается...

И гость вдруг засопел, завозился на стуле, его руки засновали по карманам куртки и штанов, производя невероятное шуршание. И под щетиной на его щеках расплзлись два красных пятна.

– И вы считаете, что сосед вас рассматривает, когда вы гуляете по дому голой, – не спросил, констатировал капитан, не отреагировав на очередное возмущенное восклицание горничной.

– Возможно. – Настя осторожно пожала плечами. – Вам лучше у него самого спросить.

– О чем?

– С какой целью он за мной наблюдает?

В душе всего лишь на мгновение, на одно крохотное мгновение загорелась надежда. Вот сейчас они допросят этого наблюдателя, тот расскажет им, что послан Дмитрием. И тогда они его...

Что?! Ну что, господа, они его? Призовут к ответу за то, что он приставил к ней наблюдателей?! А он скажет, что это охрана! Что он опасается и за ее жизнь тоже, потому и приставил к ней охрану!

Попробуют доказать его причастность к гибели брата?! А он скажет, что ни при чем! Что скорее жена заинтересована, потому что является единственной наследницей. А он нет. Он не наследник. И мотива у него нет никакого.

Подобные разговоры уже имели место быть сразу после похорон Льва. Это когда с Настей еще не говорили строго адвокаты. Это когда она невнятно пыталась взвалить вину за гибель любимого мужа на его брата. И когда в полиции еще прислушивались к ее невнятным утверждениям.

Потом все поменялось.

– Спросите, спросите.

Настя мягко поводила головой вверх-вниз. Уставилась насмешливо на смутившегося капитана.

– Он вам много чего расскажет о моих домашних туалетах.

– Не расскажет, – ответил Игорь, будто прокаркал.

Дамочка сводила его с ума. И раздражала, и интриговала одновременно. Он ведь спорил с ребятами в отделе чуть больше месяца назад, что без ее участия гибель мужа не обошлась. Она каким-то боком причастна, точно причастна! А они лишь скептически качали головами и утверждали, что она дура! Пустышка! Что ее в жены взяли, чтобы наряды дорогие на нее примерять и драгоценности на шею вешать.

– Почему не расскажет? – почти не удивилась Настя.

Разве может человек из свиты Дмитрия выдать его?! Нет! Дмитрий разгневется, и одному богу известно, что сотворит тогда с болтуном.

– Потому что он мертв, – ответил капитан, уставив на нее глаза, сильно смахивающие на маслины – черные, крупные, влажные.

– Мертв?!

Настя ахнула – и ротик приоткрыла. И совсем при этом не выглядела душой, а выглядела удивленной женщиной. Искренне удивленной. Так он решил, наблюдая за ней внимательно.

– Вы уверены?

Она нервно подхватила со стола пустую кофейную чашку. Заглянула в нее, недовольно поморщилась и протянула чашку горничной со словами: еще. Горничная метнулась к кофейной машине, загремела, засуетилась. Настя сидела с неестественно выпрямленной спиной и внимательно смотрела мимо него на кухонное окно, в которое прекрасно просматривался соседний дом.

– Он точно мертв?! – повторила она вопрос, принимая с благодарностью из рук горничной очередную порцию кофе.

– Мертвее не бывает.

– Как он умер? – она коротко отпила, глянула на него с надеждой. – Инфаркт? Инсульт? Смерть наступила по естественным причинам?

– Смерть всегда наступает в результате остановки сердца, – фыркнул он невесело, вспомнив заключение докторов о смерти матери, умершей от рака. – И его остановилось.

– Ага, – глотнула, выдохнула с облегчением.

– Когда ему горло перерезали, оно и остановилось через мгновение, – с удовольствием закончил капитан.

Ему хотелось ее смутить. Хотелось скомкать ее самообладание. Хотелось заставить ежиться, а не сидеть тут – спинка стрункой – перед ним, как королева.

– Горло?! Перерезали?!

Чашка с кофе осторожно встала на стол. Спина по-прежнему осталась прямой. А вот взгляд снова умер. И поспешно удрал от кухонного окна. Уставился на него.

– Зачем? – выдохнула она, вдоволь насмотревшись на его небритую морду.

– Что зачем?

Игорь вдруг почему-то почесал щеку. Вдруг подумал, что неловко как-то приходить в такие дома небритым и помятым. Чмо, а не опер, как сказала бы его бывшая жена. И все киногероев ему – дура – в пример ставила. Какие они наглаженные и ухоженные выходят у режиссеров. А он, между прочим, сегодня в кабинете спал на стульях, потому что дежурил. И спал всего полтора часа. А с утра, вместо того чтобы поехать домой, поехал сюда. А тут...

– Зачем ему перерезали горло? – севшим, с легкой хрипотцой, голосом повторила свой вопрос Настя Дворова, которую он лично не считал пустышкой, а считал чрезвычайно умной и даже коварной.

– Вот я и хотел у вас спросить – зачем?! – он чуть повысил голос.

– У меня?! – кончики ее холеных пальчиков уткнулись ей в грудь, обтянутую серым трикотажем.

– У вас. У вас, – покивал он.

И перевел взгляд с кончиков ее пальцев, которые в настоящий момент с удовольствием бы заменил своими, на горничную. Пожилая женщина неприметной внешности, в униформе, которая наверняка стоила дороже его зимней куртки, зажимала рот рукой и качалась, как старое дерево на ветру.

– А я? Что я могу знать?! – резонно возмутилась Настя и оглянулась на горничную, будто ища у той поддержки.

Но та ее поддержать не могла никак. Она не могла засвидетельствовать алиби своей хозяйки, поскольку в течение дня приходила и уходила, на ночь не оставалась. А смерть наблюдателя из соседнего дома предположительно наступила ночью. То, что человеке был нанятым наблюдателем, а не просто любопытным соседом, они все уже поняли по дорогостоящей аппаратуре, которую убийца не тронул. Аппаратуру конфисковали, начали идентифицировать серийные номера. Только Алексеев точно знал: это не след. Он никуда не выведет. Хозяина не найдут. Как не нашли ни единого следа взлома, чужой обуви и чужих отпечатков пальцев.

Чисто сработано. Профессионально. И сработано не этой хрупкой леди, которую он просто из вредности доводил вопросами.

– Вы не знали, кто он? – спросил Игорь, когда она отдышалась немного.

– Нет.

– Почему за вами наблюдал?

– Нет.

– Кто мог его нанять наблюдать за вами?

– Нет.

Вот тут она соврала. По горькой складочке вокруг рта, появившейся и тут же исчезнувшей, он понял. Она знала или догадывалась, кто ее пасет.

– Это брат вашего покойного мужа приставил к вам охрану? – решил он ей немного помочь.

– Охрану?! – вдруг возмутилась она, впервые перестав быть леди и сделавшись гневной и... еще более красивой. – Вы называете это охраной?!

– А вы как называете?

– Это... Это слежка! Да, слежка! – выпалила она и оглянулась на горничную, которая раскачивалась все сильнее. – Он следил за каждым моим шагом!

– Ага...

Игорь глянул на бледную пожилую тетку, вот-вот готовившуюся грохнуться в обморок.

– Послушайте, Ирина Глебовна, сделайте мне чаю, что ли, если кофе в этом доме роскошь.

Горничная дернулась всем телом и раскачиваться перестала. Нашла заплывшим взглядом хозяйку. Та кивком позволила.

– Чай или кофе? – уточнила горничная, уронив руки вдоль тела.

– Кофе, – сказал Алексеев.

Он любил чай. Большую чашку, огненную. Чтобы в ней кружились чаинки хорошей заварки, источая неповторимый аромат, когда болтаешь в чашке ложкой. И сахарку чуть-чуть, и лимончика. Ум-мм, вкусно. Но чай не заказал. Вдруг захотелось попробовать того, что пробовала Анастасия. И понять захотелось, что ей нравится. Что дает ей силы?

– Вы утверждаете, что он следил за каждым вашим шагом... – повторил Алексеев, заняв горничную делом и снова переключая свое внимание на Настю. – Этот человек ходил за вами и по городу? Тот, что поселился в доме напротив?

– Нет. Когда я уходила из дома, он оставался там, – ее ладошка метнулась в сторону окна, из которого великолепно просматривался соседний дом. – Меня водили по городу сразу три экипажа.

– Что-оо?

– Одна машина отъезжала следом за мной от ворот, стоило мне выехать. Потом меня передавали где-нибудь в городе другой машине, потом третьей, а когда я возвращалась, то первые наблюдатели уже сидели в машине у ворот. Вот так... – выговорила она и тут же перепугалась.

Сразу вспомнилась адвокатская свора, настойчиво советовавшая ей держать язык за зубами и нигде имя Дмитрия не упоминать. Ни в какой связи!

«Проживите достойно хотя бы эти полгода, – рекомендовал ей один – самый откровенный. – Спокойно и без историй...»

Но история вдруг случилась, так ведь?! Ужасная история! Кто-то убил наблюдателя, приставленного к ней Димой.

Кто? Кто посмел?

– То есть вы хотите сказать, что этот человек, – Алексеев по ее примеру указал пальцем на окно, – наблюдал только за вашими передвижениями по дому?

– Думаю, да.

– И были еще люди, которые повсюду ездили за вами по городу?

– Да. Точно были.

– На какой машине?

– Черный внедорожник, – она назвала марку автомобиля и продиктовала номера.

Он почти был уверен в ее ответе, потому что именно в этой машине сегодня утром одним из бегунов были обнаружены два трупа с аналогичными ранами в области шеи.

Собственно, с их обнаружения все и началось.

В полицию позвонил мужчина и заполошным голосом сообщил, что только что, совершая пробежку, у дома Дворовых наткнулся на автомобиль, полный мертвых людей. Срочно прибыла группа. Все огородили. Начали досматривать, опрашивать. Бегун трясся всем телом, но толком ничего сообщить не мог. Решили опросить соседей Дворовых, оставив визит в их дом напоследок. Именно поэтому и был обнаружен еще один труп. Пришли к соседям, а наткнулись еще на один труп с аналогичными ранениями, повлекшими смерть.

– Три трупа за утро! Твою мать! – орал на Алексеева начальник по телефону, когда тот докладывал ему обстановку. – Капитан, ты хоть понимаешь, что теперь поднимется? Пресса просто захлебнется от восторга! С меня скальп наверху снимут! Не успел труп Дворова остыть, как тут еще три! И где?! У него под окнами!

– Не у него, а у его вдовы, – осторожно поправил начальника Алексеев и получил по полной за то, что решил поумничать.

– Там что, целая группа действовала? – спросил начальник, немного поостыв. – Как могли сразу двоим в машине перерезать глотки? Сразу с двух сторон нападали, что ли? Что за ниндзя, твою мать?!

– Думаю, что, пока один выходил, второго ликвидировали. Первый вернулся и... – он попытался подыскать слова, но не вышло. – И его грохнули тоже. Потом вошли в дом и убили третьего наблюдателя.

– А может, его первым убили?

– Думаю, нет. Те, что были в машине, почти упирались бампером в забор этого дома. Мимо них убийца не прошел бы незамеченным.

– А может, они его пасли? Он наблюдал за Дворовой, они за ним и за всеми ними... Тьфу ты, черт! – разозлился снова начальник. – Просто какая-то мафиозная разборка получается! Вот дерьмо, а! Теперь с меня точно снимут скальп...

Алексеев на тот момент выводов не делал никаких. И совсем не думал, что парни в машине наблюдали за наблюдателем в доме. И, как оказалось, правильно. Ребята водили Анастасию по городу и сидели в машине возле ее дома, когда она возвращалась. Стало быть, они следили за ней круглосуточно. Зачем тогда дублер с биноклем в соседнем доме? Кто он?

Чей он? Знал ли о тех, кто сидел в машине? Или нет? А они о нем знали или нет? Эти люди, приставленные наблюдать за Анастасией, были наняты одним лицом или нет?

Да-аа, горяхватишь в этой головоломке!

– А могли они этого... – Настина ладошка протянулась в сторону окна. – Могли те ребята из машины этого парня убить?

– Нет, не могли. – Игорь хмуро глянул на горничную, которая, подав ему кофе, снова принялась качаться из стороны в сторону как заведенная.

– Почему вы так думаете? Считаете их джентльменами? – безупречный рот Анастасии выгнулся недоверчивой скобочкой. – Не идеализируйте их, товарищ капитан, и...

– Их тоже убили, Анастасия Сергеевна, – перебил ее Алексеев и осторожно поднес кофейную чашку к губам.

– Их? Что, простите?

Настя вдруг резко встала и шагнула назад, почти поравнявшись с горничной. Он даже перепугался на мгновение, что она сейчас станет с ней вместе раскачиваться из стороны в сторону. Это уже танец просто какой-то будет!

Но она не поддержала свою горничную. Осталась стоять, вытянувшись стрункой возле стола, со сцепленными у груди ладонями. Взгляд ее несчастных серых глаз убивал Алексеева наповал.

Ему так хотелось ее пожалеть...

«Опер должен быть красивым, опрятным и беспристрастным, – тут же вспомнились ему нравоучения бывшей жены Светланы, решившей в какой-то момент стать его стилистом. – Ты ничего не должен чувствовать по отношению к пострадавшим. Никакого сострадания, Алексеев! Никогда!»

У него, честно, не получалось. Он считался хорошим опером, матерым спецом. Но превращался в слюнтю, когда окунался в чужое горе. Особенно это касалось женщин. Особенно молодых и красивых женщин.

«Если хоть еще одна овдовевшая шлюшка расплачется на твоём плече, Алексеев, я тебя брошу!» – пригрозила ему три года назад Светлана.

Сказала – сделала. Бросила. Потому что на его плече как-то расплакалась сестра погибшей девушки. Молодая, симпатичная брюнеточка, с которой он потом пару раз поужинал. И раза два у нее заночевал...

Уничтожая мелкими глотками горьковатый крепкий кофе, которого Анастасия выпила аж две чашки, Алексеев вдруг не к месту подумал, что эта красивая светская дама на его плече плакать не станет. И раскачиваться из стороны в сторону от ужаса, как ее ненормальная горничная, тоже не будет. Она замрет. Остолбенеет. И тут же начнет стремительно соображать, а что же ей теперь делать, как поступать дальше.

Он не представил, просто услышал сейчас, как звенят, обгоняя друг друга, ее спасительные планы на будущее. Или это у него в голове от крепкого кофе зазвенело?..

– Их убили тоже? – повторила она, ее лицо от смертельной бледности сделалось почти прозрачным. – Их убили так же?

– Да, – он опустил подробности и отставил чашку, не допив.

Чай все же лучше. Надо было не выпендриваться, попросить чаю.

– И вы считаете, что это сделал один и тот же человек? Убийца? – уточнила она вдруг.

– Характер нанесенных ранений, повлекших смерть, об этом свидетельствует, – ответил он ей казенным языком и снова не к месту пошкрябал щетину на лице.

Настя вдруг пошла по кухне мелкими странными шажками. Переходила от окна к окну, выглядывала на улицу, ежилась и снова шла. Потом вернулась к столу, села на прежнее место, глянула на него с первобытным ужасом и выдохнула с причитанием:

– Господи-ии, да что же это такое делается-то, а?

– Я бы тоже хотел это знать, гм-мм, – пробормотал он, смутившись.

Эта простецкая интонация совсем не вязалась с ее внешней утонченностью. Она ей не шла. Она в корне меняла все его представления о ней. Может, она и правда дура душой, как утверждают его коллеги? Может, покойный Лев Дворов женился на очень красивой дурочке, чтобы наряжать ее, как рождественскую елку, чтобы любоваться ею, чтобы показывать влиятельным людям, как очередную дорогую игрушку?

Что вообще о ней известно – об этой Анастасии Сергеевне Дворовой, в девичестве Загореловой? Мало, очень мало. Сведения были скудными и неинтересными.

– Колхозница! – фыркали ребята из отдела. – Из какой-то тмутаракани, которую даже на карту позабыли нанести. Прибыла в город, поступила учиться, засветилась на каком-то молодежном форуме. Дворов ее приметил. Женился. Все!..

– Как же это? Почему?! – продолжила простецки горевать Настя, все больше разрушая сложившийся в его сознании образ утонченной леди. – За что их всех? Господи-ии...

Алексеев нехотя поднял чашку с кофе, глотнул. В голове тут же зашумело, зазвенело. И неожиданно родилось: а может, она играет? Умело разрушая всяческое представление о себе, как о коварной и умненькой, играет тут перед ним, строит из себя дурочку?

– Что вы можете сообщить мне по существу вопроса, Анастасия Сергеевна? – насупился Игорь, пожалев тут же, что кофе допил, во рту стало гадко и горько.

– Ничего, – последовал лаконичный ответ. И было добавлено тут же: – Я никого не убивала.

– А кто?

– Спросите лучше у Дмитрия Дмитриевича, товарищ капитан, – и взгляд ее при этом, устремленный на Алексева, был совершенно лишен выражения.

– Что спросить?

– Кому помешали его люди?..

Глава 3

– Это не мои люди! – возмутился двумя часами позже Дмитрий Дмитриевич Дворов, когда Алексеев нагрянул к нему с известием. – С чего вы вообще взяли?!

– Так ваша невестка утверждает, – ответил он, пожимая плечами.

Плечи, если честно, одеревенели уже от усталости. И спина стала деревянной. А ноги почему-то ватными, и руки словно у тряпичной куклы. Он устал! Так устал, что готов был уснуть прямо в гостиной этого красавчика, разгуливающего по своему дому в одних трусах.

Трусы, правда, были спортивными. И вполне могли сойти за шорты – широкие, длинные, в узкую синюю с серым полоску. Но все равно Дмитрий Дмитриевич мог бы одеться. И не дразнить Алексеева своим загорелым накачанным телом с темными пуговками сосков и аккуратной пупочной впадинкой. Босые ступни и колени тоже были будь здоров, как с рекламной картинки – стопроцентно безупречными.

Светке бы он точно понравился, неожиданно подумал Игорь, тут же остро ощутив запах собственного пота. Сочла бы его одним из тех героев в никогда не мнущейся одежде из фильмов прославленных режиссеров.

Он ведь только что из спортивного зала вышел, черт побери! Живот и плечи еще были влажными от пота, и полотенце с шеи он тут же зашвырнул куда-то. Почему же от него не разит так, как от него? Потовые железы, что ли, переделал?

Твари богатые! Твари!

Игорь покосился на свои пыльные ботинки, не чищенные со вчерашнего вечера. Чистил, когда еще на дежурство собирался. А с утра он в этих ботинках уже пару километров набегал по уютным улочкам района, где проживала вдова старшего Дворова. Не жравши, не спавши и...

– Настя?! – ахнул совершенно искренне Дворов-младший.

– Совершенно верно. У вас ведь нет другой невестки? Ваш старший брат не был больше женат?

– Нет. – Дмитрий Дмитриевич неуверенно покачал головой. – Насколько мне известно, нет. Настя была его первой и единственной супругой.

Хозяин дома, который был поскромнее, чем у брата, но все равно большой, прошелся пружинящей киношной походкой мимо Алексеева туда-сюда по гостиной. Широкие шорты шуршали, мышцы перекачивались под загорелой кожей. Лучше бы он этого не делал, скотина ухоженная! Игорь сразу разозлился. Сел ровнее в уютном кресле, в котором чуть не задремал, пока дожидался красавчика. Нахмурился.

– Так вот, ваша единственная невестка утверждает, что это вы приставили к ней наблюдателей.

– Я?! – снова удивленно отозвался Дмитрий и уселся, наконец, в кресло напротив.

Но снова неправильно сел. По-киношному. Спина прямая, торс чуть наклонен в его сторону. Локти на коленях. Кисти рук расслабленно свесил. Красивые кисти, мужские, крепкие, с длинными сильными пальцами, ухоженными ногтями.

Такие пальцы, натренированные спортивными снарядами, с уверенностью могли бы удерживать губительное для жертв лезвие, вдруг подумал Алексеев. И внимательнее присмотрелся к красавчику.

И вдруг понял, что тот нервничает. Сильно нервничает! Над верхней губой и на лбу капли пота, левое веко подергивается. Дыхание неровное. После тренировки или с чего?

– Зачем мне за ней наблюдать, интересно?

Дмитрий поднял на Алексеева пустой взгляд. Точь-в-точь как у его невестки давеча. Допакетом им, что ли, такой взгляд выдают вместе с деньгами?!

Твари богатые!

– Я не знаю, – пожал плечами Алексеев. – Она утверждает, что это ваши люди следили за ней из соседнего дома. Потом вели ее машину через весь город. Круглосуточно торчали в машине за воротами. Разве нет?

– В машине? – Дмитрий раздраженно наморщил лоб. – Так пробейте номера! И узнаете, чья это машина!

– Узнаем, – пообещал Алексеев.

Уже узнали. Машина была зарегистрирована на пенсионера, которого до сих пор не могут найти. Алексеев своим ребятам звонил перед тем, как переступить порог дома Дворова-младшего.

– Отпечатки с погибших снимите, может, тут след будет, – продолжил давать советы красавчик, оказавшийся еще невероятно умненьким.

По отпечаткам ни один из погибших в базе не числился, стало быть, не имел криминального прошлого.

– Но у меня в штате точно нет людей, которых бы я приставил наблюдать за Настей! – возмущался Дворов-младший. – Зачем?!

– Ну... Может, для охраны?

– Тю-юю, для охраны! – присвистнул Дворов и тут же зло оскалился. – А с какой стати мне ее охранять, скажите?! Она, кстати, сразу от охраны отказалась. Я предлагал. К тому же... Она, может, моего родного брата заказала, а я ее охранять должен?! На кой мне черт это?!

Резонно. Но, с другой стороны, Настя унаследовала финансовую империю своего супруга. Мало ли как она решит ею распорядиться? Возьмет и продаст. Или выйдет снова замуж и...

– Вы не любите ее? – сделал вывод Алексеев, решив пока не лезть глубоко в корыстные интересы оставшихся в живых представителей семейства Дворовых.

– С какой стати мне ее любить, скажите?! – снова возмутился Дворов-младший. – Она жена моего покойного брата. Я не имею права ее любить!

– Я не о любви к ней как к женщине.

Хотя не любить ее просто невозможно, неожиданно подумал Алексеев. Такое совершенное нежное создание! Надо было быть слепым, глухим и немощным совершенно, чтобы не любить ее.

– Я о любви к ней как к вашей родственнице.

– А-аа, понятно, – Дворов криво ухмыльнулся, взъерошил темные волосы и сделался тут же еще симпатичнее и еще моложе. – Как к родственнице!.. А вы лучше спросите ее, позволяет она себя любить? Позволяет заботиться? Она ведь... Она ведь – идиотка – видит во мне злодея! Считает, что я причастен к смерти Льва. Ну не дура ли!

– А вы не причастны? – невинно улыбнулся Алексеев малому в переносицу, которая тут же покраснела за компанию с остальными совершенными частями его холеной морды. – Вы не убивали вашего брата?

– Та-аак! Послушайте!

Малый резво поднялся, шагнул в его сторону – высокий, великолепно сложенный, загорелый, мускулистый и... готовый к нападению. Мог ведь? Мог перерезать глотки сторонним наблюдателям, посмевающим взять в кольцо дом его старшего брата, где горевала Настя? Мог! И любить ее тоже мог! И брата своего замочить из-за этого мог тоже!

– Вы здесь, собственно, зачем? – навис над головой вымотанного в тряпку Алексеева великолепный торс Дворова-младшего.

– Провожу следственные мероприятия, – скупно улыбнулся Алексеев.

Левый сосок парня маячил у него перед глазами. Крохотный, сморщенный, шоколадного цвета. Безупречный!

– По поводу тройного убийства. Убийства людей, которые находились в непосредственной близости от дома вдовы Дворовой, которая является вашей родственницей. И которая утверждает, что это именно ваших людей убили.

– Считайте, что вы свои мероприятия уже закончили. Это не мои люди. И мне ничего не известно о наблюдении, которое велось за Настей.

Он резко отпрянул и зашагал по гостиной, которая размерами не уступала гостиной брата, но была лишена роскоши, как у того. Минимум мебели. Белые стены, сверкающий белоснежный потолок с точечными светильниками. Черный ковер в белых разводах, по которому Дворов-младший ходил теперь босиком, а он приперся в пыльных ботинках.

Все лаконично и тускло. Мебель, стены, шторы. Тускло, почти безлико. Как в номере отеля. Даже фотографий нет!

А вот у старшего брата в доме было роскошно, уютно, пахло превосходно. Может, потому что там жила шикарная женщина? И для нее старшему брату хотелось все это делать? Может, потому запер себя в аскетичной почти обстановке Дворов-младший, что не для кого ему было роскошествовать?

Может, все же Настя является всему причиной?..

– Хорошо, – кивнул Алексеев и поднялся с кресла, став почти одного роста с хозяином. Тот, пожалуй, был даже чуть ниже. – Раз это не ваши люди... К слову... Вы, я слышал, наняли частного сыщика для поисков убийц брата?

Младший Дворов промолчал, запустив в его сторону злой, затравленный какой-то взгляд.

– Как продвигается расследование?

Тот снова промолчал.

– Есть результаты? – настырничал Алексеев.

А что? Ему и правда было интересно. Следствие вон уже больше месяца идет, а толку никакого. Никаких следов! Кого можно подозревать конкретно в убийстве, у того алиби сто процентное. Кого можно подозревать в заказе на убийство, то...

То подозревать можно полгорода. Лев Дмитриевич Дворов особенно в средствах не церемонился, двигаясь по жизни вверх.

– Я не из любопытства праздного интересуюсь, поверьте, – и он приложил кулак к сердцу. – Просто мы могли бы объединить усилия.

– Усилия? Вы о чем вообще сейчас? – заорал вдруг Дмитрий Дмитриевич, перестав сразу быть красивым малым и превратившись в богатую избалованную сволочь. – Какие усилия совершаются вами?! О каких усилиях речь?! Эта дрянь дышит, живет, ходит по дому моего брата! А его... Его нет! Это она! Она его убила, понимаете?!

– Есть доказательства? – насторожился Алексеев.

Мало ли, может, и нарыл что-нибудь нанятый им частный детектив. Он малый, по слухам, ушлый. Хоть и подлый, и до денег жадный.

– Она! Она унаследовала все! Какие вам еще доказательства нужны?! Лев оставил все ей! Все, до последнего цента!

Об этом Алексееву было известно.

– У нее был мотив. Только у нее!

– Считаете, что она сможет всем этим распорядиться с умом?

Он просто так спросил. Честно! И ошалел просто, с какой силой дернулся всем своим загорелым телом красавчик. Через его выскобленные пятки будто ток пустили, так он взвился!

– Считаете? – с нажимом повторил Алексеев.

Но красавчик быстро взял себя в руки и в ответ лишь пожал плечами.

– Мне кажется, что это ее лишь обременяет. – Игорь пошел к выходу.

Дворов-младший не вызвался его проводить. Остался стоять посреди неуютной гостиной, выполненной в черно-белых тонах. Но из окна за ним наблюдал. Это Игорь и заметил, и почувствовал, пока шел к своей машине.

Все... Теперь доложить начальству о результатах. Вернее, об отсутствии оных. И спать. Тело не слушалось, мысли путались. Соображать почти не мог. Светка сто раз была права. Не тянул он на киношного героя, что неделями не спит, а выглядит на миллион долларов. Ни костюмчик не мнется, ни щетина не растет сверх нормы. Не то что у него. Об его щеки теперь можно одежду почистить от грязи запросто.

Позвонив руководству, Игорь медленно поехал по красивой улице, на которой жил Дворов-младший. Улица была точной копией той, где проживал некогда его старший брат. Располагалась, правда, на другом конце города. Чего это, интересно, братьев так разметало? Работали в одном офисе, кабинеты дверь в дверь. А жили на противоположных концах? Может, не особо дружили? А младший брат изо всех сил пыжился, стараясь показать всем и каждому, как был близок со старшим. Чего же тогда Лев не оставил ему ни копейки? Поделил хотя бы между супругой и братом поровну. А то взял и все ей оставил! Заранее знал, что можно ждать от младшего? Опасался за свою жизнь? А оно вона как вышло-то.

– Не спасло... – пробормотал сонно Алексеев, закатываясь колесами за мусорный бак в своем дворе.

Его место, любимое место для автомобиля, напротив его подъезда, было, как всегда, занято. Пришлось ставить машину рядом с мусоркой. Другие-то брезговали. И тут всегда было свободно. А он не гордый. Он поставил. Сейчас еще отоварится в магазинчике, что напротив дома. Купит что-нибудь пожевать и отдохнуть. Сил просто нет.

– Тебе как всегда?

Пожилая продавщица Татьяна Ивановна, прекрасно знавшая всю его семью, помнившая еще бабушку Игоря и почему-то не любившая Светку, кивнула на его кивок и тут же принялась отвешивать сыра и молочных сосисок. Сунула в пакет бутылку молока, баночку сметаны, половину черного, три слойки с вишневым джемом. Быстро посчитала, взяла с него деньги, протянула сдачу с тысячи.

– А кофе есть? – вдруг зачем-то спросил он, поискал глазами по прилавкам. – Во-он того давайте, самого дорогого.

– Ишь ты... – ухмыльнулась Татьяна Ивановна и оглядела его с головы до ног цепким взглядом, как ощупала. – Не иначе, завел себе кого-то, Игореша.

– С чего вы взяли? – он отдал деньги, убрал брикетик в яркой упаковке в пакет, двинулся к выходу.

– Ты кофе не пьешь, – крикнула ему в спину Татьяна Ивановна. – И не пил никогда.

– Начал вот, – помахал он ей на прощание и открыл дверь. – Привычка – дело наживное.

– Не-еет, Игореша. Привычка – вторая натура, – догнал его крик мудрой продавщицы. – Ты тот человек, который не изменяет ей никогда...

«Зачем купил?» – размышлял он через десять минут, рассовывая продукты по шкафам на кухне. Сам пить не станет точно. Тут с Татьяной Ивановной не поспоришь. Зачем купил?

Ответ родился, когда он уже влез с головой под одеяло, успев принять душ и перекусить наскоро бутербродами. Ответ такой чудной! Даже рассмешил его. И он, кажется, уснул с улыбкой.

А вдруг она зайдет к нему и попросит чашечку кофе, подумал он, прежде чем уснуть. Она – Анастасия Сергеевна Дворова. Очень красивая, очень грациозная и очень напуганная...

Глава 4

– Кто это мог сделать? Кто?

Дмитрий Дмитриевич Дворов, сильно сторбившись, сидел в рабочем кресле в своем рабочем кабинете. Он мало походил сейчас на главу компании, коим теперь являлся на основании генеральной доверенности, подписанной Настей по настоящему требованию адвокатов. Он походил на насмерть перепуганного подростка. Губы дрожали, пальцы рук, колени, даже лопатки, кажется, тряслись. Глаза метались, как сумасшедшие, по кабинету, не задерживаясь ни на чем и старательно огибая трех верных ему людей, выстроившихся в шеренгу метрах в трех от стола.

Воротник задравшегося пиджака почти закрывал уши, галстук сбился набок. Но он этого не замечал. Его терзал такой дикий страх, что мысль о том, как он сейчас выглядит, почти не имела для него никакого значения. Хотя всегда казалась приоритетной.

Главное выглядеть живым! Так всегда говорил Лев. Живым и здоровым. Это поддакивал уже Дмитрий. Хотя и не во всем с братом соглашался.

Живым – да, разумеется. Но аккуратно и дорого одетым. Ухоженным. Надменным! Ему нравилось выглядеть надменным. Это, по его разумению, придавало ему веса в обществе. Веса, которым обладал Лев и которого ему всегда недоставало. И он тщательно работал, создавая свой собственный образ. Холил и лелеял его. И выглядел опрятным и ухоженным, даже сходя с беговой дорожки. И этот неряшливый опер, заявившийся к нему с диким известием поутру, это отметил. Дима не без удовольствия наблюдал, как тот смущается тому, что выглядит как вахлак. И что воняет потом.

Но все это имело значение до тех пор, пока не подтвердилось: его людей, что охраняли Настю, ведя наблюдение из машины у ее ворот, убили. А заодно убили еще кого-то, кто тоже вел наблюдение за Настей, но уже из дома по соседству.

Кто это был?! Кто его нанял? С какой целью?! Почему его люди этого человека просмотрели?! Уроды конченные! И не жалко их совсем, совсем не жалко! Он их не знал даже. Их нанял его водитель, отвечающий не только за безопасность хозяина, но и за некоторые организационные вопросы. Организовал!

– Так, вот что...

Дима распрямил спину, одернул пиджак, поправил галстук, снова вспомнив, что должен выглядеть солидно, иначе он не внушит уважения даже этим трем тупоголовым помощникам – что тогда говорить об остальных.

– В общем, я хочу знать, где вы откопали этих уродов? Александр?

На шаг вперед выступил водитель. Виновато вздохнул.

– Люди посторонние, Дмитрий Дмитриевич.

– В каком смысле посторонние?! – он опешил.

Глянул неприязненно на водителя, всегда производившего на него впечатление крутого мужика и, кажется, умного.

– В том смысле, что их никто не знает. А они даже не знали, кого водили по городу.

– Та-аак... – протянул Дворов-младший и счел, что это совсем неплохо.

– Они даже не знали, на кого работают, – поспешил успокоить водитель Саша, не распознав в возгласе хозяина одобрения. – Я их лично не нанимал. С ними говорили посторонние люди.

– Все у тебя посторонние! – фыркнул со злостью Дворов и ткнул пальцем в своих охранников. – Они, что ли?

– Нет, Дмитрий Дмитриевич, будущего тестя своего просил. Он выступил в роли заказчика. Сказал им, что надо телку одну попасть, мол, долг за ней. А отдавать не хочет, говорит, денег нет. И нужно...

– Да понял я! – недовольно сморщил красивое лицо Дворов-младший. – И остальные экипажи тоже?

– Не понял.

Преданные глаза водителя Саши смотрели на него тупо. И это раздражало. Этот если не сдаст по умыслу, то по глупости может проговориться. Не понял он!

– Было еще два экипажа, которые водили Настю по городу, разве нет? – ядовито поинтересовался он.

– Ах, в этом смысле. – Саша облегченно улыбнулся, хотя на его месте Дворов бы не радовался. – Тоже люди посторонние, тоже мой будущий тесть с ними говорил. Никто друг друга не знает. Набирал их с соседних областей.

– Каким образом набирал?

– Просто в Интернете нашел людей, которые искали работу частных охранников, связался с ними и... – Заметив, что Дворов снова нахмурился, Саша поспешил успокоить: – Звонил с таксофона. Всегда!

– Одно радует, – проворчал Дима. – Надеюсь, остальные четверо живы?

– Да, совершенно верно.

– Ты хоть понимаешь, что теперь наблюдение надо снимать?

– Уже, Дмитрий Дмитриевич!

Саша отчаянно потел, он нервничал. Он понимал, что где-то облажался. А где, пока не мог понять.

– Что уже? – вытянул шею из тесного воротника дорогой сорочки Дима.

– Уже получили расчет и отбыли по родным областям.

– А тачки?

– Что тачки?

Снова затупил Саша. И Дмитрий вдруг пожалел, что не обладает и сотой долей силы Льва и его жестокости. Тот однажды в его присутствии наказывал своего помощника. Так наказывал! Диму даже стошнило. Прямо на серый ковер в кабинете Льва. И тот потом сильно орал на брата. Называл дебилом и дерьмом. Он любил его так называть. И еще дураком. И добавлял, что ему никогда уровня брата не достичь. Никогда! Потому что он...

Да потому что он сейчас выглядит живым. И это главное. Вдруг не без злорадства подумал Дворов-младший. И уровня брата, который теперь ниже уровня пробивающейся из-под снега травы, ему достигать совершенно не хочется. Так-то вот!

– Что тачки, простите, Дмитрий Дмитриевич, я не понял?

Саша вытер толстые щеки рукавом дорогого пиджака, который Дворову обошелся не дешево. Глянул на хозяина глазами побитой собаки. И тот решил его немного пожалеть. Надеяться-то особо было больше не на кого. Только эти трое. Пусть туповатые, но верные.

– Настя наверняка срисовала номера тачек, которые ее вели по городу. Врубаешься, куда клоню?

– Номера левые!

Сашина ладонь – мозолистая, крепкая – прорезала воздух параллельно полу.

– Тачки тоже, – встрял Стас, старший из охранников. – Все три тачки левые. Станут пробивать, ничего не найдут.

– Так, так, так... Что у нас выходит...

Дмитрий, почувствовав, что уже может стоять на ногах, не подведут, выбрался из-за стола. Обошел по кругу свою троицу.

– Убиты двое наших наблюдателей. Но никто их к нам привязать не сможет, потому что *что?* – он загнул первый палец, а следом и второй. – Никто из них не знал, что работает на меня. Никто из них не знал друг друга. Экипажи общались между собой?

– Нет! – в один голос ответили все трое.

– Отлично, – он загнул третий палец, потом четвертый и пятый. – Тачки левые, номера левые. И к нам это не имеет никакого отношения. Неплохо сработано, парни.

Трое высоченных ребят, широких в плечах, с крепкими мускулами и терпимостью к физической боли, немного расслабились. Переглянулись между собой, глаза перестали смотреть виновато. Но настороженность не исчезла. Она была у них в крови.

– В общем, перед ментами мы чисты. И эта стерва никак не сможет нас запятнать, как ни будет стараться.

Дмитрий подошел к окну, выглянул на улицу.

Весна наступала. Снега почти не осталось. Пыль из города тщательно вымывалась городскими службами. Он, черт побери, планировал на будущей неделе отправиться недели на две на отдых. А как теперь?! Если все пошло не так! Все пошло наперекосяк!

– Ментам нам предъявить нечего, – повторил он задумчиво и тут же резко обернулся, глянул на своих людей. – Но!.. Но это ничего не меняет, парни!

– Почему, Дмитрий Дмитриевич? – вставил вопрос Саша.

Из всех присутствующих ему одному было позволено задавать вопросы. Не всегда, правда, умными они бывали, но позволено было.

– Мы в полной жопе! – выпалил с сатанинской веселостью Дмитрий и рассмеялся, будто заплакал. – Мы в полной жопе!

Ребята переглянулись снова, спины, плечи, ноги напряглись, как у диких, сильных зверей перед прыжком. И прыгнули бы, прикажи он им! В любой костер и даже из окна прыгнули бы! Они доказали свою верность, это точно. Беда, что он не знал, в какую сторону им совершать теперь бросок, вот что.

– У нас с вами две проблемы... – он снова показал им загнутый мизинец. – Первая: мы не знаем, кто еще следил за Настей и почему? И вторая... Мы не знаем, кто убил всех наблюдателей?

Он осмотрел вопросительно каждого. Понял, что у Саши есть ответы, и одобрительно кивнул в его сторону:

– Говори, Александр.

– В общем, так... Кто был в доме, я знаю, – он преданно глянул на хозяина. Тот кивком попросил продолжать. – Илья Русаков, кличка Русак. Серьезный мужик. Сорок восемь лет. Думал, что он уже завязал, поэтому и не обращался к нему никогда.

– А кто же обратился? – Дима снова занял свое начальствующее кресло, почувствовав себя намного лучше.

– Симон... – нехотя вымолвил Саша, сделав ударение на последний слог.

– Почему я не удивлен? – снова истерично рассмеялся Дима, прикрывая глаза ладонью и качая головой. – Симон, Симон... Не оставляет, стало быть, попыток отжать у нас наш бизнес! Сколько лет прошло, а он все дышит нам в затылок. А Настя-то ему зачем? Охранял, что ли? От меня охранял?

– Сомневаюсь, Дмитрий Дмитриевич, – глаза Саши заволочло туманом, он размышлял в такие моменты. – Русак, он ведь не просто наблюдатель. Он чистильщик. Он...

– Да знаю я, кто такой Русаков, Саша! – заорал вдруг не своим голосом Дворов-младший. – Не надо мне рассказывать! Он мог убить руками так, что никто никогда не догадался бы, ни один патологоанатом, что жертва убита! И заключение было бы кратким: смерть наступила в результате естественных причин. Мы же слевой часто слышали о его подвигах! Так что не надо мне рассказывать, кто такой Русак! Он был профессионалом высочайшего уровня,

высочайшего! И кто-то... Какая-то падла... Его ликвидировала! Как такое возможно, Саша?! Как такое возможно?! Понимаю, твоих людей сняли, они лохи. Ты нагреб дерьма для конспирации...

Он уловил легкое недовольное сопение своего водителя и понял, что перегибает. И тут же добавил:

– И это было правильно! Это было единственно верное решение.

Саша расслабился. И Дворов продолжил:

– То, что их сняли без проблем – закономерно. И черт с ними! Но то, что завалили Русакова! Это... Это полная жопа, – снова повторил он и захныкал. – Кто мог?! Кто так хорош, Саша?!

Пиджак опять сморщился на его спине, воротник полез на уши, и галстук заговоренной змей пополз на сторону. Но он вновь снова не замечал. Он размышлял. Размышлял вслух. И его люди слушали его, почти не дыша. Потому что хозяин – умнейший из умных людей – говорил невероятно складно и логично.

– Если бы я не был уверен в том, что Настя хлипкая и беззащитная, я бы подумал на нее. Она могла выйти из дома и замочить моих людей. Но это если бы она владела искусством рукопашного боя. Если бы в прошлом была спортсменкой или охотницей. Но она была, мы точно знаем, болезненным ребенком! Мы ведь навели о ней с вами справки! Так?

Три головы синхронно кивнули, соглашаясь. Справки о Насте собирались. Их буквально цедили, потому что об этой девчонке мало кто что знал. Незаметной она была и самой обыкновенной.

– Но опять же, если бы она была ниндзя, она бы с легкостью смогла убрать моих людей, так? Потому что они все были случайными, неподготовленными лохами, – продолжил нить в воротник пиджака Дима. – Русаков ей был не по зубам. Он наблюдал за ней. Он бы насторожился, он бы не позволил ей подобраться сзади и перерезать себе горло, как последний баран! Не-еет, это не она! И это не Симон! И не я! Это кто-то еще! Кто? Кто это? И зачем он убил людей, которые наблюдали за Настей?! Он что, подбирается к ней? А?

Последняя мысль показалась ему такой страшной, что он чуть не свалился с кресла на пол. Подлокотники удержали. Иначе стоять бы ему коленками на ковре, упираясь лбом в стол.

Если Настю уберут до того, как она вступит в права наследования, до того, как она напишет завещание в его пользу, то одному богу известно, что станет с бизнесом! Может, покойный братец подготовил еще какую-нибудь пакость? И в случае смерти Насти до истечения полугода явится какой-нибудь ушлый адвокатишка с бумагами, лишаящими Диму всего, всего! И, кто знает, может, Симон нанял Русакова действительно для охраны? Может, Лев что-нибудь ему пообещал, если Настя вдруг скоропостижно загнется? Он ведь так любил эту глазастую курву, так любил...

– В общем, так, ребятаки. – Дима положил обе руки на стол, мимоходом оставшись довольным ухоженностью ногтей. – Надо работать... Интенсивно работать, ребятаки! Нужно узнать, как там Симон воспринял известие о гибели своего человека? Что вообще обо всем этом думают в полиции? И что Анастасия? Я тут подумал... А вдруг это ее человек?..

Глава 5

Совещание назначили на пять вечера. И то хорошо. Он успел выспаться, привести себя в порядок, пожрать более или менее сносно и доехать до отдела задолго до того, как на дорогах образуются пробки.

– Новое что-нибудь есть? – он пожал руки ребятам в отделе, сел за свой стол, до совещания оставалось полчаса.

– Установлены личности погибших, – скромно улыбнулся Вадик.

Алексеев со вздохом глянул на парня. Тридцать лет, пригоженький, как сказала бы Светка. Аккуратно носит форму. Аккуратно носит гражданскую одежду. Алексеев ни разу не видел его в заляпанных штанах, мятых рубашках, с крошками на животе или перхотью на плечах. Не пьет, не курит, мата от него не слышно. Женат уже пять лет. И все будто промеж них было хорошо.

Просто Светкина мечта, а не лейтенант. Алексееву он тоже нравился. Но не за внешний вид и успехи в личной жизни. Парень хорошо работал. И пока вот начальник спал, он личности убитых установил. Молодец!

– Докладывай, Вадим, – кивнул он.

– Погибшие, что были обнаружены в машине, странным образом оказались жителями разных регионов, разных возрастов, род занятий тоже указывает, что убитые прежде вряд ли были знакомы.

– Родственникам позвонили?

– Так точно. Никто из родственников не помнит такой дружбы.

– То есть мы можем предположить, что их знакомство случайно. Общение сводилось к наблюдению за объектом?

– Можем... – кивнул Вадик. – Предположить...

– Где проживали в городе, не установлено?

– Один в гостинице жил. – Вадик назвал недорогую гостиницу на окраине, номер в сутки стоил чуть больше пятисот рублей. – Второй там не жил. Возможно, снимал жилье.

– Та-аак, ясно. Телефоны проверили? Какие-нибудь сообщения, контакты, могущие нас заинтересовать?

– Ничего нет, товарищ капитан. Все чисто. Будто и не звонил им никто. И они никому.

– Значит, мы можем предположить, что контактировали они с заказчиком воочию. Так? Так... И поэтому вычислить заказчика ни хрена не представляется возможным. Так? Так... В гостинице потерпевшего, конечно же, никто не навещал. И он ни с кем не встречался в гостиничном холле, баре или ресторане. Так?

Вадик удрученно кивнул.

– Номера машин, которые назвала Дворова, установили? Машина, в которой найдены жертвы? Тоже пустышка?

– Так точно, товарищ капитан. Документы на машины и номера липовые. Сейчас по номерам двигателей проверяем на причастность данных транспортных средств к угону.

Можно было и не проверять. Тачки сто процентов числились в угоне.

– Два других экипажа не установлены?

– Никак нет. – Вадик вздохнул, глядя на него виновато. – Машины обнаружены на стоянках города, но в них никаких следов или отпечатков. Вылизаны стерильно. Машины будто нарочно оставили на самом виду. Люди исчезли.

Алексеев погладил себя по затылку. Он так всегда делал, когда расстраивался. А он расстраивался. Потому что этот след вел в никуда. И даже если эти люди следили за Настей по приказу Дворова-младшего, доказать это будет невозможно.

– Что по третьей жертве?

– А вот тут кое-что интересное, товарищ капитан, – оживился сразу Вадик, блеснув глазами. – Некто Русаков Илья, по прозвищу Русак.

– Документы верные? – удивился он.

– Так точно. В нашей базе его не было. Но вот в армейской нашелся. Получил пять лет дисциплинарного батальона много лет назад. Убил голыми руками двоих своих сослуживцев.

– Чего так мало дали? – удивился Алексеев.

– Доказательная база была слабой. Свидетелей не было. Но мужик был и остался зверем. По информации, выполнял заказы влиятельных особ.

– И не следил, – задумчиво обронил Алексеев.

– И не следил, раз у нас ни разу не засветился.

– Но кто-то его обыграл.

– Тут вообще загадка! – оживился Вадик. – Знающие люди рассказали, что Русака обыгрывать было вообще невозможно. Он беспроигрышный. Последние два года заказы будто не брал. И тут...

– И на старуху бывает проруха, – проговорил Игорь вполголоса. – Кто заказчик, не выяснили?

– Выясняем, товарищ капитан. При нем оказался телефон с единственным номером. Зарегистрирован на подставное лицо, но наши программисты сказали, что не все так безнадежно.

– Могут вычислить географически, куда и откуда звонили. Понял. Уже лучше.

А про себя подумал, что ни хрена хорошего. Даже если и вычислят заказчика, это ничего не даст. Заказчик – тоже лицо пострадавшее. Аванс наверняка выплатил. Дело не сделано. Исполнитель мертв. Кто и за что его убил – вопрос...

– Дворов-младший отрицает, что это его люди, – нехотя проговорил Алексеев, в упор рассматривая Вадика.

Чудеса! Он вот лично на работу всего десять минут как прибыл, а уже успел левым каблуком ботинка в грязи увязнуть. А Вадик весь день на работе был, выезжал наверняка куда-то, а будто только что из заботливых рук жены выпрыгнул. Воротник рубашки аккуратно поверх джемпера разложен, стрелки на брюках не потревожены. И ботинки сверкают.

– Вот ты мне скажи, Вадим, – перегнулся через стол в его сторону Алексеев, когда они остались одни в кабинете. – Как тебе удастся целый день проторчать на работе и не помяться, не выпачкаться. У тебя, кажется, даже щетина не растет, черт побери! Будто только что побрился! Что за секрет, Вадик?

И снова не к месту подумал, что Светка от такого парня ни за что не ушла бы.

– Да никакого секрета, что вы, – он смутился. – Отец просто у меня из военных, муштровал все детство. Привык... А щетина у меня и правда за день не успевает отрастать. Гены...

Вот и весь секрет. Парень просто все детство прожил в казарме, где его муштровал отец-военный, приучая к выправке, аккуратности, может, и щетину надрессировал, а? А Алексеев вальяжно нежился в заботливых руках мамы и бабушки, которые его баловали черт знает как. Отец пытался вмешиваться поначалу, потом рукой махнул.

– Вырастет придурок, – предрек он, когда Игорю исполнилось пятнадцать. – И в тюрьму сядет.

А он не сел. И неожиданно после армии поступил в школу милиции, успешно закончил, вполне успешно работает. В личной жизни, правда, нелады, а что поделаешь. Не всем везет, как Вадиду, к примеру. Как его отцу, которому досталась в жены его мама – милейший, светлый человечек. Жаль, ушла рано. Слишком рано.

– Ладно. Кто-нибудь в течение дня пытался еще связаться с Дворовой Анастасией?

– Да, я сам ездил на адрес, но мне никто не открыл.

– Да? А звонить потом пытались? У нее же брали номера телефонов – мобильного, домашнего.

– Звонили, без толку. Домашний никто не берет. Мобильный отключен.

– Как отключен?! – вот тут он насторожился. Глянул на Вадика, как на бестолочь. – Как отключен, Вадик?!

– Как обычно, – пожал тот широкими плечами, аккуратно, без единой складочки затянутыми в темно-синий джемпер. – Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

– Или абонент... – Алексеев почувствовал, что бледнеет. – Или абонент исчез!

Ехать на адрес Дворовой было сейчас нельзя. Вот-вот начнется совещание как раз по утреннему ЧП возле ее дома. Но вот позвонить ей домой ему никто не помешает. Тем более что по графику горничная сейчас должна быть в доме. Он уточнял ее время, запомнил.

– Диктуй номер домашнего, – приказал он Вадиду.

И тут же под диктовку набрал. Один гудок, второй, третий, и тревожный голос Ирины Глебовны – он его узнал – спросил:

– Алло? Кто это?

– Ирина Глебовна, добрый вечер. Извините, что снова беспокою. Это Алексеев. Капитан. Я утром говорил с вами и вашей хозяйкой по поводу происшествия у ваших ворот и в соседнем доме. Помните меня?

Игорь немного расслабился. Если горничная в доме, пылесосит, готовит и стирает, значит, жизнь продолжается. Ее жизнь, жизнь ее хозяйки. А он-то уж напридумал из-за отключенного мобильного!

– Помню, конечно, – ответила горничная.

– Замечательно.

Алексеев откинулся на спинку стула, совсем позабыв, что рубашка, которая была на нем, жутко мнется. И сидеть так в ней не рекомендовалось. Но разве он об этом думал? Он ведь не в казарме рос, и спину держать, когда за столом сидел, не привык. Это еще что! Он мог на стол и ноги забросить, когда бывал один.

– А могу я поговорить с вашей хозяйкой? – спросил Алексеев горничную, не поняв взгляда Вадика, запущенного ему за спину. – С Анастасией Сергеевной Дворовой?

– Я прекрасно помню, кто моя хозяйка, – вдруг фыркнула в трубку Ирина Глебовна. – Но поговорить вы с ней не можете.

– Почему?

– Потому что ее нет.

– А когда будет?

– Об этом лучше ее спросить, – ответила со вздохом горничная. – Мое время до шести. Я уйду потом. Звоните ей на мобильный.

– Он отключен. Звонили.

– Хотя да... Я сама ей звонила на него, отключен, – она помолчала. И вдруг произнесла: – Странно...

– Что странно, Ирина Глебовна?

– Мобильный отключен. Машина на улице. А ее нигде нет.

– То есть ее нет нигде в доме? Вы уверены?

– Ее нет в доме, в гараже, в саду, в подвале и на чердаке! – выпалила та скороговоркой. – С трех до шести я обхожу все эти помещения. Анастасии Сергеевны нет нигде. И машина на улице перед гаражом.

– А в машине?! В машине ее нет?!

Ему будто гланды мгновенно заморозило, так сел голос. Вдруг представил бедную Настю на заднем сиденье с перерезанным горлом. Почему именно на заднем-то?..

– Да нет ее в машине, – раздраженно отозвалась Ирина Глебовна. – Машина открыта. Я заглядывала. Даже в багажник.

– А в багажник-то зачем?

– Знаете, молодой человек, после того, что здесь произошло минувшей ночью... – она всхлипнула. – Я запаниковала. Насти нет нигде. Я звала, звала ее, позвонила, телефон выключен. И пошла ее искать. А ее нигде нет. А в это время она обычно... Она – да! Он – нет!

– Бр-рр, не понял! – замотал Алексеев головой.

– С трех до шести Настя всегда бывала дома, чтобы распорядиться... Чтобы дать мне указания. Лев Дмитриевич не бывал в это время дома. Он вообще не терпел моего присутствия в доме, когда там бывал сам.

– О как!

Алексеев качнул головой. Создавались удобства покойничку, стало быть, в его отсутствие.

– Но Настя, то есть Анастасия Сергеевна, всегда к этому часу возвращалась, чтобы отдать распоряжения. Если задерживалась, всегда звонила. А сегодня...

– А сегодня дома ее не оказалось, телефон выключен, а вы не забеспокоились? Почему, Ирина Глебовна?

Она молчала.

– По какой причине вы не позвонили мне и не объявили, что ваша хозяйка пропала?

– Потому что мне кажется... Потому что... – она замялась. – Потому что мне кажется, что Настя сбежала.

– Сбежала?! – ахнул он, и гланды снова будто морозом опалило, снова голос сел. – Сбежала или ее похитили?!

Это запросто могло случиться. Сначала убирают наблюдателей, чтобы не мешали. Потом, дождавшись, когда горничная уйдет...

Так, стоп, скомандовал он сам себе.

Если бы ее хотели похитить, сделали бы это беспрепятственно ночью. Наблюдатели мертвы. Девочка в койке спит. В доме никого. Зачем же белого дня дожидаться? Сбежала, получается?

– Насчет похищения не знаю, – вздохнула Ирина Глебовна. – А вот сбежать Настя запросто могла.

– Что-то из вещей пропало?

– Да... И сумка. Она обычно с ней в спортзал ездила. Сумка пропала. Красенькая такая с беленькими полосочками.

– Что из вещей пропало?

Алексеев раздраженно топнул ногой. Нет, эта свистопляска, наверное, никогда не закончится, мать их! Сначала замучили ее мужа и пристрелили напоследок, потом убивают наблюдателей, которые ее то ли охраняли, то ли просто пасли. Потом она сбегает!

И что, прикажете, о вас, Анастасия Сергеевна, думать?! В каком ключе рассматривать вас? Как свидетельницу, потерпевшую или соучастницу?! Запросто мог какой-нибудь ее дружок убрать мужа, потом перерезать глотки охране, а затем помочь ей удрать. И кто она тогда, выходит?

Черт, черт, черт!

– Из вещей почти ничего, – продолжила тяжело вздыхать Ирина Глебовна. – Два ее свитера, вельветовые джинсы, я их только вчера выгладила и сверху в стопку вещей положила. Пара комплектов белья. Игорь Николаевич... – Ирина Глебовна всхлипнула громко и горестно. – Она сбежала, считаете? От всего этого ужаса сбежала?!

– Вы побудьте там, Ирина Глебовна, я сейчас подъеду, – пообещал он и положил трубку.

– Ты понял, куда я?

Он глянул на Вадика, наблюдающего с интересом, как Алексеев заправляет под ремень выбившуюся и безнадежно измятую рубаху.

– К Дворовой?

– Да. Там что-то произошло. Начальству я сам позвоню, но на всякий случай скажи, что там очередное ЧП, я поехал.

– Так точно. – Вадик поднялся, когда Алексеев направился к двери. – Считаете, она сбежала?

Игорь оглянулся на него. Высокий, статный. Брючки в стрелочку, джемпер как влитой, воротник рубашки будто нарисован. Пригожий мальчик, просто услышал он Светкин голос.

– Может, сбежала, а может, и нет, – разозлился он, обнаружив, что и второй каблук на его ботинке в грязи, успевшей подсохнуть. Вдохнул. – А может, кому-то просто надо, чтобы мы так думали, а, Вадик?..

Глава 6

Его голова лежала на мягкой непромокаемой подушечке на краю громадной ванны. Горячая вода пенилась и бурлила вокруг его тела. Пахло травами и прибитой дождем пылью – это он запросил такой освежитель воздуха в ванную. На накрытой салфеткой подставке, рядом с ванной, стоял заварочный чайник, чашка, блюдечко с кружочками лимона. И время от времени он подливал себе в чашку ароматного зеленого чая, бросал туда лимон и мелкими глотками пил. Шампанское в джакузи он не терпел: голова становилась тяжелой, взгляд мутным, мысли плавали оборванными лоскутами. Такое состояние он не любил. Это не подконтрольное сознанию состояние.

Но это он теперь стал таким умником. Теперь, когда дело катилось к шестому десятку. Раньше-то, ох-ох-ох...

Раньше в этой бурлящей вокруг его тела пене не одна красotka извивалась. Стонала, хохотала, поливала себя и его шампанским. И он находил – что странно – это классным. Считал это не переменным жизненным атрибутом при сложившемся финансовом благополучии. И, дурак, заработал не одну болячку. И внутренности шипучкой алкогольной попортил. И на морде порочная жизнь отложилась. Проросла глубокими морщинами, провисшим подбородком, плешивой головой.

Он стал некрасивым, старым, толстым, угрюмым. Жена и дети его сторонились. Никто не говорил о разрыве, что вы! Но все старались проводить с ним как можно меньше времени. То за город свалят, то за границу. Последний раз он их видел, дай бог памяти...

Точно, три с половиной месяца назад. Новый год кое-как совместно отметили-отмаялись и разлетелись кто куда. Он не роптал. Ему так было проще. С семьей надо было говорить, общаться, решать вопросы какие-то. А он общаться не умел. Сразу нервничал, раздражался, принимался ругаться матом. Последнее он очень любил делать, вводя в ступор свою супругу, барышню в прошлом интеллигентную и утонченную, а ныне одряхлевшую, сильно постаревшую и совершенно ему неинтересную.

Симонов Геннадий Степанович шевельнулся в горячей бурлящей воде, протяжно зевнул и снова потянулся к чайнику.

Надо было выбираться из воды, заворачиваться в халат и идти в спальню. Но он медлил. Точно знал, что стоит ему улечься на подушки, как мысли, как заговоренные, примутся жалить, жалить, жалить. И сон сразу уйдет. И внутри все сразу разболится. И захочется стакана коньяку – терпкого и крепкого. А пить не надо. Не та ситуация.

– Валька! – рывкнул он, собравшись с силами. – Валька!

Дверь громадной ванной, сверкающей черным кафелем и зеркальным потолком, тихо отворилась. Вошла Валентина – среднего роста, плоская, как доска, с короткой стрижкой под мальчика, чуть кривоватыми ногами, с отлично развитой мускулатурой. Лицо обычное. Нос, рот, глаза. Все вроде не уродливой, правильной формы. Но такой, черт, жесткой формы, что Симонов иногда думал, что она носом может банки консервные вспарывать. Оттого и не казалась Валентина красавицей. И даже симпатичной не казалась. И на бабу походила очень мало.

– Растратила я все свое женское, Геннадий Степанович. – ухмылялась она обычно, когда он пытался найти у нее грудь или задницу. – Вертухай, они ведь бесполые...

Валентина долгие годы служила охранницей на зоне. Потом влетела там с чем-то. Уволили. На глаза Симонову попала, когда трех мужиков в баре разметала, которые попытались ее подколоть. Решил взять к себе. И не пожалел ни разу. Верная, сильная, коварная, умная, осторожная. Ни один из его охранников ни до нее, ни после с ней не мог сравниться.

– Помогай, – приказал Симонов, слабо шевельнув руками. – Что-то совсем я обессилел.

Валентина подхватила с плетеного кресла махровый халат. Ловким резким движением поставила хозяина на ноги. Обтерла сначала полотенцем, потом обернула халатом. Помогла выбраться из ванны. Подвела к креслу, помогла усесться, перенесла под локоть ему подставку с чайником. Отошла к окну, привычно осмотрела двор. Она никому не доверяла. Только себе.

– Итак... – Симонов звучно хлебнул чуть остывший чай. – Русак мертв?

– Да, – она провела ребром ладони себе по горлу. – И люди Дворова-младшего тоже.

– Так же?

– Да. Один человек работал.

– И кто, как думаешь?

– Черт его знает! – Валентина нахмурила лоб, покачала головой. Оглянулась на хозяина. – Ума не приложу! Если тот, кто Льва замочил... То чего морочился с бритвой? Того пристрелили, как собаку, и все.

– Ну-уу, ему перед этим долго пришлось мучиться.

– Это так, но убили не ножом, выстрелом. Почерк, хозяин, понимаете, почерк не тот, – ее грубые, неженские пальцы, пощелкали. – Тот, кто любит стрелять, он и стреляет. Он побоится непривычным оружием убивать, боясь промаха. Нет, думаю, тут кто-то еще.

– Ох, господи! – жалобно выдохнул он. – Что выходит-то, Валентина?! Льва убрал кто-то один, людей, что за бабой его следили, кто-то другой. Смысла в этом не вижу! Она что же, целую банду сколотить успела, чтобы разбогатеть?!

– Вы по-прежнему думаете, что она за всем этим стоит? – уточнила Валентина и нахмурилась. – Не Дворов-младший, не кто-то еще, а она?

– А ты так не думаешь! – зло ощерился Симонов. – Она наследница, у нее мотив. Она узнала, что все достанется ей в случае смерти мужа, убила его. Не сама, конечно. Чего тут...

– А дальше? – Валентина недоуменно пожала плечами.

– Дальше просто. Димка взял ее в кольцо. Повесил на хвост охрану. Она ее сняла каким-то образом. И себя освободила, и его подставила.

– Черта с два! – фыркнула Валентина почти весело, покрутила пальцем у коротко стриженной макушки. – Дима – молодец! Он людишек собрал, как мусор граблями. Тачки все левые, номера тоже. У ментов ничего на него. Ничего!

– А на кого у них есть? – Симонов тяжело глянул на помощницу.

– Нас могут вычислить, как заказчиков Русакова, – покусала она обветренную нижнюю губу.

– Как это? Телефон же левый, Валя, – его голос заскрипел, как несмазанная дверная петля.

– Телефон левый, – согласно кивнула Валентина и с легкой укоризной глянула на хозяина. – Но звонили вы всегда из дома, Геннадий Степанович. А я говорила...

– Цыц! – прикрикнул он беззлобно и погрузился в раздумья.

Да, Валя предупреждала его. И просила не звонить из дома. Он не слушался ее, отмахивался. Разве мог подумать, что этот придурок сдохнет так бездарно? Вот тебе и профессионал! А подход, как баран! Ладно люди Дворова-младшего – тут понятно, почему их сняли без лишнего шума. Народишко случайный, липовый. Но этот-то, этот – профессионал же! Он сам не раз его услугами в прошлом пользовался. И никогда, ни единого прокола. Потому и сейчас снова к нему обратился. И тут такое...

Мало того, что сам погиб, так еще и заказчика подставил. Телефон при нем остался, по которому он с ним говорил. А разговоры сейчас – что сообщения, запросто смогут все снять на бумагу. Хвала небесам, он ничего такого криминального с ним по телефону не обсуждал. Даже выходило, что заботился о Насте. Спрашивал всегда с хохотком, как там наша девочка

поживает? Все ли у нее нормально, дома ли, одна ли, не плачет ли? Так что, если менты на него выйдут, если ума у них достанет, он скажет...

– В общем, так, Валентина, – хлопнул он ладонью по плетеному подлокотнику. – Если выйдут на нас, скажем, что охраняли ее.

– То есть? – она обернулась к хозяину, заложила руки за спину, выкатила совершенно плоскую грудь. – От кого?

– От кого угодно! – фыркнул Симонов почти весело. – От наблюдателей в машине, от врагов, которые убили Льва, от... Дмитрия Дмитриевича, который дико оказался недоволен условиями завещания.

– А у нас что? Какой интерес? – уточнила Валентина, рассеянно рассматривая грузную фигуру хозяина.

– А у нас простой интерес – бизнес! Нам хотелось с ней работать бок о бок. Хотелось, чтобы бизнес, с которым я всю жизнь конкурировал, не попал в плохие руки. Ну и... Придумаем что-нибудь. Мы, запомни, ее охрана! Да она, если уж на то пошло, в нас и пальцем ткнуть как в обидчиков не сможет. Она меня толком и не знает-то.

Валентина вдруг снова покусала губы, опустила взгляд. И Симонов сразу насторожился. Он ее повадки выучил.

– Что еще?! – он качнулся вперед, тяжело оперся локтями о коленки.

– Так вышло, что она... Она теперь пальцем ни в кого ткнуть не сможет, – пробубнила Валентина, старательно уводя взгляд в сторону от хозяйского гнева, которым тот наливался, как зрелый томат.

– Что? – взревел он. – Ее тоже замочили?

– Да нет, Геннадий Степанович. Думаю, нет, – заспешила она.

– Что тогда?

Его лохматая грудь тяжело вздымалась. Крупные пальцы сжались в кулаки. А удар этого кулака был серьезным. Валентина на себе один раз испытала. Не слышала неделю, получив по уху.

– Думаю, сбежала она, Геннадий Степанович.

– Сбежала! – ахнул он, и взгляд его замер.

Тишину в ванной комнате нарушала лишь редкая капель из смесителя ванны. Валентина поморщилась. Нанятый для работ по дому сантехник ни черта не справляется. Может, думает, что лохи его наняли? И что он может тут косячить раз за разом? То шланг от стиралки прохудился, залило всю прачечную. То капает в ванну, как с крыши худой.

Валентина скрипнула зубами, решив отыгаться на нем после разговора с хозяином.

– А может, ее того... похитили?! – предположил Симонов, некрасиво приоткрыв губастый рот. – Тогда нам с тобой... Несладко придется, Валентина.

– Никто ее не похищал, – насупилась она. – Может, где-то по дороге?

– По дороге? – Симонов прищурился, поняв, что она не все рассказывает. – По какой дороге, Валя?!

– Она своими ногами вышла из дома, взяла такси.

– Ага! Было-таки такси! И куда ее это такси увезло?

– Пока не знаю. – Она спокойно подергала плечами.

– А когда узнаешь, Валя?

Ему вдруг отчаянно захотелось запустить в нее чашкой. А следом и чайником, в котором почти не осталось напитка. Хотелось, чтобы дрогнула ее спокойная самоуверенность, чтобы наполнились ее змеиные глаза хоть каким-то страхом. И он положил руку на чайник и сдвинул его бока пальцами, чуть приподняв с подставки.

– Когда допрошу таксиста, – ответила она, покосившись на руку хозяина.

Жест его она распознала безошибочно.

– А когда ты его допросишь, черт тебя дерь?! – пророкотал Симонов, приподняв чайник выше. – Где ты его найдешь?! Когда найдешь?!

– Уже нашла. Дома у него нашла. И допрошу... – она посмотрела на правое запястье, на котором носила большие, как компас, часы. – Минут через десять.

– А где он?! – вытаращился Симонов, роняя чайник с грохотом на подставку.

– В вашем подвале, Геннадий Степанович. – Валентина ощерилась в улыбке, напоминающей звериный оскал.

– В подва-аалее? – протянул Симонов и ухватился за голову. – Ты дура, да, Валь? А если менты его тоже ищут?! И у нас найдут, то что?! Нас обвинят в похищении или еще в чем похуже!

– Не обвинят, – нагнула она голову.

– Почему?

– Потому что никто ему не причинял вреда. По крайней мере пока, никто не знает, что он здесь. Да и здесь-то он почти добровольно.

– Вот именно, что почти! – проворчал он.

Симонов не мог не восхититься ее оперативностью. Менты небось всю голову сломали, куда Настя подевалась. Вокруг дома прыгают, следы ищут. А Валентина уже даже таксиста нашла, который ее от дома увозил. Молодец! Он в ней не ошибся, когда позвал к себе работать.

– Что говорит?

– Таксист? – уточнила она.

– Ну не папа же римский, Валь! – всплеснул он по-бабьи руками.

– А я с ним еще не говорила. Просто пригласила в цокольный этаж. Попросила подождать, пока вы примете ванну и поговорить с ним решите. Он терпеливо ждет.

– Терпеливо? Без кляпа во рту и не со связанными руками и ногами?

– Это было делать ни к чему. Мужик с понятием. Знает, с кем имеет дело.

– Ладно, ладно... Ты это... иди поговори с ним: кто вызывал такси, на какое время, куда отвез, о чем говорили по дороге. Да отпускай его, поняла? И это... Денег ему, что ли, дай, чтобы не обижался за помятые бока.

– Не было такого! – вытаращилась она обиженно. И даже руки к груди покаянно приложила. – Клянусь, не было!

– Где ты его нашла, кстати?

– Проехались по улице, на которой стоит дом Дворовых. Видим таксиста, подъехали, заговорили. И попали как раз на него. Он безо всякого согласился поговорить. Без рукоприкладства обошлось, Геннадий Степанович.

– Ладно, ладно, верю. Ступай...

Он, конечно, не верил, глядя ей в спину, когда она уходила. Чтобы Валентина не воспользовалась моментом и не применила силу? Да быть такого не может! Она аж зубами скрипела от удовольствия, когда предоставлялась возможность помахать кулаками. Но, может, таксист и в самом деле мужик с пониманием? Может, добровольно сел в ее машину, добровольно спустился в подвал и теперь сидит на стульчике, ждет вопросов? Терпеливо ждет. С пониманием.

– Н-да... – Симонов вывернул нижнюю губу, удрученно вздохнул.

Все шло не так, как планировалось еще много-много лет назад. Он так мечтал отжать бизнес у братьев Дворовых, так надеялся, что парни молодые, глупые, примутся сорить деньгами, попадут в нехорошую историю. Он, кстати, периодически им подкидывал соблазны. И вот тогда, когда они попадут в нехорошую историю, он явится тут как тут и оттяпает у них хороший кусок на взаимовыгодных условиях.

А вышло что?

А вышло все не так! Вышло так, что Лев Дворов оказался матерым бизнесменом, шукой, акулой, который не только не клевал на его провокации и ни разу не ступил в дерьмо, но со временем начал и на его бизнес коситься.

Димка – младший из Дворовых – был куда жиже и слабее, но тоже после смерти брата не захотел расставаться с бизнесом, хотя Симонов к нему подкатывал через пару недель после похорон с заманчивым предложением.

И что он ему ответил?

– Я вообще ничем не владею, Геннадий Степанович! – воскликнул засранец, улыбаясь загадочно. – Наследницей оказалась Настя.

– Но она же может оформить на тебя купчую или дарственную на определенных условиях?

– Нет! Не может! Покойный брат распорядился таким образом, что любая сделка по продаже или дарению не может считаться действительной. Она может, конечно, продать. Но потом в суде сделку опротестует, и все!

– О как!

Симонов тогда жутко озаботился. И долго думал, с чего это Лев так поступил. Валентина пришла на помощь.

– Он знал, что у Насти все мгновенно отберут, что тут непонятного, – высказалась она. – Она и пикнуть не успеет, как бумаги ей на подпись подsunут. И продаст, и подарит тому, кому надо.

– О как! И что же, прямо никак нельзя найти выход?

– Дмитрий Дмитриевич, слыхала я, выход нашел, – в очередной раз удивила она его своей осведомленностью.

– И какой же?

– После того как через полгода она вступит в права наследования, он потребует от нее завещания в свою пользу и...

– И?

– И жить ей тогда останется всего ничего, Геннадий Степанович.

– Выход?

– Выход есть...

Валентина тогда была с ним один на один в бане и активно обрабатывала его пухлые бока березовым веником. В тот момент хлестать его она прекратила, наклонилась к самому уху и прошептала:

– Оформить завещание на вас, Геннадий Степанович.

Потому и поставил он своего человека наблюдать за вдовой. Никаких больше указаний не было, только наблюдать! Чтобы не переиграл его Дворов-младший. Чтобы не успел девку убрать раньше времени.

А девка возьми и исчезни! Что выходит? Дворов-младший его все же перехитрил и похитил ее? Или она сама решила ото всех смыться? А куда? Одна! Без поддержки!

Деньги...

Надо узнать, обналичивала ли она в последние дни деньги? И если да, то сколько? Сумма, которую она могла получить наличными, расскажет о многом. Она расскажет, как дальше собирается жить молодая вдова. Надолго ли уехала? Оплатила ли кому-то убийство своих наблюдателей? И если оплатила, то кому? Есть вообще у нее сообщник, друг, брат, сват, который мог пойти на тройное убийство ради нее?

А Лев? Кто его-то уgomонил?!

Уф-фф... Голова лопнет от всей этой дребедени!

Симонов с кряхтением вылез из плетеного кресла, ставшего последнее время ему тесноватым. Надо будет Вальке сказать, чтобы заменила. Прошел, тяжело по-медвежьи ступая,

в свою спальню, смежную с ванной комнатой. Сбросил халат. Надел белье, широкие джинсы и тенниску. Все это загодя приготовила Валя, разложив на кровати. Вдел ноги в домашние мягкие туфли ручной работы из тончайшей замши. Причесал редеющие волосы перед зеркалом. Вышел из спальни и свернул к лестнице, ведущей к цокольному этажу, где его терпеливо якобы дожидался таксист.

Странное дело, но Валя не соврала. Таксист выглядел абсолютно спокойным, сидел на спортивной скамейке и о чем-то беседовал с помощницей Симонова. Она кивала и даже улыбалась. Хотя, на его взгляд, лучше бы этого не делала.

– Добрый день, – поздоровался приветливо Симонов.

Шагнул к таксисту – мужику средних лет, заурядной внешности: завтра встретить – не узнаешь. Протянул ему руку, представился.

– Извини, брат, что ждать пришлось. – Симонов присел к небольшому столику, за которым расположилась Валентина. – Ты уже, наверное, в курсе, что я хочу от тебя услышать?

– Да, Валя в двух словах обмолвилась, – кивнул мужик русой башкой и глянул на него, как на бога. – Рад помочь, если что.

– Вчера ты забирал от дома...

– Вдову Льва Дмитриевича Дворова, – перебил его резвый таксист.

– О как! – Симонов хитро улыбнулся. – Откуда знаешь, чья она вдова?

– Так я в том районе часто заказы беру. Всех почти знаю. Работаю уже года полтора в том районе, – поспешил он уточнить, не давая по-прежнему раскрыть рта Симонову. – И похороны помню Льва Дмитриевича. Пышно было! Я еще людей подбирал, которые не вместились в автобусы и машины.

– Ага, – прервал его речь Симонов. – Тогда все гораздо проще, не так ли? Как тебя по имени-то, брат?

– Андрей я. Зубов Андрей, – коротко улыбнулся таксист.

– Андрей, стало быть... Так вот, Андрюха, скажи мне, брат, кто вызывал такси?

– А никто.

– То есть?

– Я ведь не всегда с диспетчером работаю. Иногда левачу. В выходные свои. Начальство знает, не ругается. Мое дело, так ведь? Что я в свой выходной делать стану?

– И вчера ты как раз левачил?

– Так точно, Геннадий Степанович. Качусь так тихонько. Смотрю, вдова молодая с красненькой сумочкой по тротуару шурует. Удивился. Она всегда на своей тачке ездит. И не одна, а с эскортом. А тут пешком!

– И она тебя поймала?

– Ну да. Увидала шашечки на машине, руку подняла, я и остановился.

– Куда сказала везти?

– В банк сначала, потом на вокзал.

– В банк в который?

В желудке у Симонова заворочался большущий такой снежок, которых он в детстве пожрал страшно вспомнить сколько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.